

**Краеведческий журнал
«Битюгъ»**

№1(1) 2014 г.

Издается с января 2014 г.

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор)
Б66

Учредитель: С.Н. Подлесных
Автор идеи и проекта,
Главный редактор: С.Н. Подлесных
Ответственный редактор: Н.А. Макаров
Редакция: А.С. Ракитин,
Е.Г. Губанова, А.Г. Паповян
Корректор: В.В. Хабаров
Дизайн: А.П. Ходюк
Верстка: О.И. Сотникова
Спонсорская поддержка:
В.М. Гурьянов, П.В. Коряпаев,
С.Н. Подлесных

Адрес редакции: 394033, г. Воронеж,
Ленинский пр-т, д. 86, а/я 18.
Телефон редакции: 8-952-544-26-01
E-mail: Bitugkraeved@yandex.ru
Страница Вконтакте:
<http://vk.com/club32468869>
Страница в Одноклассниках:
[http://www.odnoklassniki.ru/group/
56865384038459](http://www.odnoklassniki.ru/group/56865384038459)

Подписано в печать 14.01.2014. Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,72. Тираж 300 экз. Заказ №3558. Свободная цена. Отпечатано в ОАО «Воронежская областная типография – издательство им. Е.А. Болховитинова».

© коллектив авторов, 2014
© краеведческий журнал «Битюгъ», 2014

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал обязательна.

На внутренней стороне обложки: Галерея «Уездный г. Богучар нач. XX в.» (из коллекции фотооткрыток Н.Ф. Дядина).

Содержание

К нашим читателям 2

Исторические исследования

А.С. Ракитин «К вопросу о формировании дворцового крестьянства Битюцкой волости и приборе его в служилые люди Бобровской слободы (конец XVII – первая четверть XVIII вв.)» 3

Летопись времен

Документ по истории крестьянской колонизации долины р. Битюг начала XVIII в.

Публикация и предисловие А.С. Ракитина 10

Мнение

С.Н. Подлесных «О роли устной истории в исторических исследованиях» 12

Страницы устной истории

Н.А. Макаров «Полвека краеведения, или Из практики устной истории» 15

Е.П. Романов «Чеховы из Богучара» 17

Краеведческий калейдоскоп

Д.Ф. Шеншин «Черкасский тракт» 21

В.Ю. Вдовенко «Последний полет перебежчика» 23

Глубинка

К 90-летию М.М. Микляевой.

Предисловие Н.А. Макарова 27

«Три колхозника». Рассказ..... 28

Наш журнал в лицах 31

К нашим читателям

Дорогие друзья!

Вы открыли первый номер краеведческого журнала «Битюг».

Итак, мы начинаем выпуск нового для Воронежского края периодического издания, публикации в котором будут освещать его историческое прошлое и культурное наследие.

В последнее время в российском обществе наблюдается устойчивая тенденция к росту интереса к краеведческой литературе. Это становится заметным по увеличению количества издаваемой на данную тему специальной литературы (как в столицах, так и в провинции). Увеличивается число людей, интересующихся происхождением своей фамилии, своего рода, своего населенного пункта. В этом вопросе помогают, в первую очередь, архивные учреждения, профессиональные историки и краеведы, а также специализированные периодические и неперидические издания. Однако велика роль и устной истории. Такой всплеск интереса к истории своей семьи, народа и Отечества подает большие надежды на повышение общего уровня культуры в обществе.

Названная тенденция не является веянием моды общества в целом или его части, а отражает объективные потребности человека в получении соответствующей информации.

Журнал назван именем одной из главных рек Воронежского края, левого притока Дона (одного из основных). Река Битюг, протекающая примерно в центре Воронежского региона, является одним из символов сторожевой и станичной службы южного порубежья России, а также десятилетий заселения нашего края. По ее берегам проходил не один отряд кочевников, по разъезжим караулам выдвигались русские станичники. Позже появились первые русские постоянные селения, в которых жили наши бесстрашные предки.

В журнале будут публиковаться исследовательские работы широкого диапазона: история общественной жизни, история отдельных населенных пунктов и территорий, история архитектуры, история образования, история церкви, история отдельных родов и семей, биографии воронежских знаменитостей и т.д.

К сожалению, сегодня практически отсутствуют такие издания, которые совмещали бы в себе традиции устной истории и архивных исследований.

Установление диалога, возможности обмена информацией между учеными-историками и местными краеведами – одно из важнейших направлений журнала «Битюг».

Концепция построения журнала «Битюг» такова, что он является независимым периодическим изданием и рассматривает в качестве приоритетных направлений исследования те, которые задают сами краеведы различного уровня.

Краеведческий журнал «Битюг» в том числе преследует цели:

- поддержание, приумножение и сохранение краеведческого потенциала Воронежского края и смежных земель, имеющих с ним общие исторические корни;
- пропаганда исторического наследия Воронежского края;
- пропаганда культурного наследия Воронежского края и его развитие;
- установление диалога, возможности общения между авторами различного уровня;
- установление возможности опубликовать свои краеведческие материалы авторам из глублинки Воронежского края;
- сбор и обработка краеведческого материала авторов издания;
- сбор, обработка и сохранение фотоматериала, отражающего историю Воронежского края;
- помощь всем интересующимся местной историей в получении необходимой краеведческой информации, также сведений о природе и географии родного края;
- поиск талантов;
- продолжение лучших традиций российского краеведения.

Журнал ориентирован не только на специалистов-историков, краеведов, но и на тех, кто родился и живет на Воронежской земле, а также на всех, кому дорог этот край, его история и традиции.

Мы будем рады любому сотрудничеству и помощи при условии, что они не будут противоречить целям периодического издания «Битюг».

Редколлегия журнала выражает искреннюю благодарность заместителю директора государственного учреждения культуры «Журнал «Подъем»» В.Д. Лютому и ответственному секретарю В.Е. Новохатскому (г. Воронеж), художнику А.М. Курзанову (г. Воронеж), членам редколлегии журнала «Раненбургская крепость», художнику С.Н. Левитову и В.М. Матыцину (г. Чаплыгин) за поддержку и ценные советы в обосновании концепции издания журнала. Особая благодарность нашим спонсорам: В.М. Гуриянову (г. Ставрополь), П.В. Коряпаеву (Воронежская обл.), С.Н. Подлесных (г. Воронеж).

В первом номере журнала читатели найдут статьи, посвященные истории края XVII-XX вв., публикацию архивного источника А.С. Ракитина – «Документ по истории крестьянской

колонизации долины р. Битюг начала XVIII в.». В рубриках «Мнение» и «Страницы устной истории» представлены некоторые теоретические и практические вопросы устной истории. Н.А. Макаров подготовил к печати рассказ известного в Прибитюжье краеведа М.М. Микляевой, которая недавно отметила свой 90-летний юбилей.

В любом деле самое тяжелое – это начало. Как с этим справилась редколлегия журнала «Битюг», судить читателям и независимому эксперту – времени.

Наши предки, говоря «В добрый путь!», пытались уберечь, охранить от злых и темных сил, злоклучений своих близких, родных, какое-либо новое дело. Они свято верили, что *добрый час* даруется добродетельным людям, светлым начинаниям, а недобрый – грешникам.

Не вдаваясь более в суеверия и мистификации, скажем: «В добрый час, в добрый путь...»

Редколлегия журнала «Битюг»

Исторические исследования

А.С. Ракитин

К вопросу о формировании дворцового крестьянства Битюцкой волости и приборе его в служилые люди Бобровской слободы (конец XVII – первая четверть XVIII вв.)

Крестьянство юга Московского государства (дворцовое, монастырское, вотчинное, частновладельческое) в XVII столетии активно привлекалось к ратной службе – как осадной (времени осадного положения), так и постоянной (посредством прибора в служилые люди: драгуны, полковые казаки, стрельцы, пушкари и т.п.). Прибор осуществлялся по собственной инициативе, а также вследствие правительственных распоряжений.

Подобные традиции существовали во многих порубежных районах. Нам известны сведения о службе дворцовых крестьян, бортников и мордвы Верхоценской волости Шацкого уезда, дворцовых крестьян посопной волости Белгородского уезда и Комарицкой волости Севского.

В 1622-1623 гг. жители Верхоценской волости Шацкого уезда¹, а также бортники и мордва писали в своем коллективном «челобитье» великой старице, инокине Марфе Ивановне (матери царя Михаила Федоровича), что еще при воеводе Мироне Вельяминове было велено им «стоять в Шатцком городе у ворот по пятидесяти человек» на карауле. Шатчане жаловались на то, что живут они от уездного города слишком далеко – верст 200-300 и до Вельяминова не привлекались к службе на караулах. После того, как на территории волости в 1636 г. был построен новый г. Тамбов, дворцовые крестьяне некоторых селений (Татаново, Горелое, Бокино, Кукусово) были прибораны в конные казаки.

Крестьяне посопной волости Белгородского² уезда служили городовую и сторожевую

Русский крестьянин.
Гравюра XVII в.

службу. К первой относилась служба так называемого «осадного времени», а также участие в работах по укреплению городской крепости и устройству земляных валов (городовое дело, «городовая поделка»). Сторожевая служба посопных крестьян заключалась в размещении так называемых «отъезжих сторож» в двух столбчатых острожках, расположенных близ Изюмского шляха – Ивицком и Отскочном.

Третьей известной дворцовой волостью, население которой несло ратную службу на протяжении всего XVII в., была Комарицкая волость Севского уезда. В апреле 1630 г. крестьяне Брасовского и Глодновского станов этой волости (один человек с каждого десятого двора) стали отбывать «осадную» службу в Брянске, Чемлыжского и Радогожского – в Севске. В 1646 г. дворцовые крестьяне данной волости стали драгунами, число набранных в службу равнялось 5125 человек. С 1680-х гг. драгуны были упразднены, комаричане стали солдатами.

Южнорусское крестьянство (вотчинное, дворцовое и монастырское) потенциально являлось вполне подходящим элементом для пополнения ратных людей – не только стрель-

цов и служилых «пушкарского чина», но и конных казаков: полковых и сторожевых. Сторожевая и станичная служба, как известно, предусматривали отличное знание степи и умение ездить верхом («конно») – «за обычай». Попасть сюда мог далеко не каждый, хотя, как мы уже отмечали выше, примеры тому все-таки имелись (посопная волость Белгородского/Корочанского уездов, служба крестьян на «отъезжих сторожах»), хотя возникают сомнения в том, что служба их была именно конной.

Путь в служилые люди был открыт и частновладельческим крестьянам, однако такие случаи были редки. Покинуть тягло крепостной крестьянин мог не только с разрешения помещика, но при обязательном условии, что на пашне останется кто-либо из его родственников: «дабы той пашне не запустеть».

Районы промысловой деятельности крестьянских сообществ окраин московского государства, включающие в себя бортные ужоаи, бобровые гоны, рыбные ловли и охотничьи угодья, простирались далеко на юг, в лесостепи. Так, город на Козловом урочище получил свое название по фамилии промышлявших здесь крестьян Козловых ряжской вотчины князя Пожарского. Переписная книга 1646 г. по Городскому стану Лебедянского уезда окрестностей Доброго городища, что являлось вотчиной московских Спасского и Чудова монастырей, сообщает интересные подробности о зачислении местных крестьян в военно-служилые сообщества южнорусских городов-крепостей³. Известны случаи записи в сторожевые казаки г. Данков крестьян Скопинского уезда⁴.

Широко практиковались массовые приборы в драгунскую службу крестьянского населения целых волостей посредством отписки их в государеву казну. 14 января 1647 г. князю А.Н. Трубецкому была жалована Верхолуцкая волость Белевского уезда взамен отписанных на царя Алексея Михайловича лебедянских сел Соколье, Ярлуково, Кузьминки и прочих окрестных населенных пунктов. Крестьянам этих селений предназначалось «быть в драгунской службе»⁵. В новой государевой вотчине, с. Соколье, был построен острожек, ставший впоследствии центром отдельного Сокольского уезда⁶.

Еще одним самостоятельным уездом, выделенным из Лебедянского в 1647 г., стал Добровский (иногда «Добренский» – на месте с. Доброе Городище), где в драгуны были записаны монастырские крестьяне сел: Калинин, Ратчино, Борисовка и Кривец⁷. В г. Добрый существовала также слобода пеших драгун⁸.

Подобные традиции прибора крестьян в службу сохранялись даже в первой четверти XVIII в. По мере того, как южные границы Московского государства отодвигались все

дальше на юг, необходимость пополнения служилых сообществ представителями «жилецких» и крестьянских миров продолжала оставаться весьма актуальной.

* * *

Итак, в центре нашего внимания – прибор в ратную службу Бобровской слободы (станичники, пушкари и гарнизонные солдаты) дворцовых крестьян Битюцкой волости в первой четверти XVIII столетия. Рассмотрим последовательно саму волость, ее географию и традиции колонизации.

В настоящий момент населенные пункты бывшей Битюцкой волости находятся на территории Воронежской области. В низовьях р. Битюг располагаются некогда дворцовые селения Шестаково, Мечетка и Бобров (бывшая Бобровская слобода, волостной центр), в верховьях – с. Щучье. Также, в начале 20-х гг. XVIII в., из состава Битюцкой волости к Демшинскому уезду отходят селения Эртиль, Самовец, Мордовка, Чамлык и пр., в которых располагались дворы станичников. Ныне это север Воронежской области и юго-запад Тамбовской.

В связи с частыми набегами калмыков, ногайских и крымских татар долина р. Битюг⁹ в XVII в. была слабо заселена, постоянных селений здесь не возникало. Имели место промысловые ужоаи: «зверовья» (охота на пушного зверя), бортничество, рыбная ловля («рыболовля») и бобровые гоны. Данная промысловая территория оформилась в т.н. Битюцкий юрт, разделенный впоследствии на несколько более мелких юртов, среди которых имелся и Бобровский¹⁰.

Здесь же, на реке Чамлык (притоке Битюга), с 1571 г. находилась одна из самых дальних воронежских сторож. Территория, контролируемая ратными людьми сторожевой службы, охватывала зону в 170 км от устья Чамлыка. Правее самого устья на 100 км земли сторожевых разъездов простирались вплоть до верховьев рек Цна и Дачнаур. Левее сторожевой участок на 70 км тянулся до верховьев р. Хавы. Основной задачей ратных людей сторожевой службы на этой стороже являлось наблюдение за активностью ногайских татар Казыева улуса, ходивших на рязанские и ряжские места¹¹.

В XVI – первой четверти XVII вв. битюцкие сторожи были «смесными» (совместные). Здесь находились ратные люди из украинских городов Ряжска, Данкова, Шацка, Ливен, Оскола, Епифани, Михайлова и Воронежа¹².

В начале 20-х гг. XVII в. «меж реки Дону и Бетюка» были поставлены сторожи, чтобы тем опасным участком на «воронажские места ... безвестно» (в Воронежский уезд) не пришли ногайские и крымские татары. Росписи воронежских сторож сообщают нам, что прежде в

междуречье Дона и Битюга сторож не было, «а ныне в тех местех без сторожей быть не мочно»¹³.

Однако это не было помехой для ведения здесь промысловой деятельности южнорусскими служилыми и «жилецкими» людьми. Так, в 1624 г. за право арендовать Битюцкий и Осередский ужожаи противостояли друг с другом лебедянский крестьянин Г. Побежимов и воронежские казаки Д. Даньшин и В. Казаков. Выиграл спор крестьян Побежимов, однако «казаки Демка да Васька, умысля его на дороге, его, Гришку, били и грабили»¹⁴.

Весной 1663 г. служилые люди из украинских городков Коротояка и Костенска предложили построить на р. Битюг линию острожков. Опрошенные драгуны, солдаты и казаки из Коротояка, Орлова, Воронежа, Костенска, Козлова и Сокольска подтвердили, что острожки в данном месте обеспечили бы хорошую защиту соседним окраинным городкам. Тем не менее, на Битюге линия укреплений построена так и не была¹⁵.

С середины 1680-х гг. на реке Битюг стали появляться служилые люди из городков Белгородской черты, их родственники, братья и племянники, которые по ряду причин не были взяты в ратную службу. Кроме того, сказывалась нехватка земли в пределах их уездов. Среди них имелись также те, кто по бедности своей или же вследствие разорения нищенствовал и не мог отбывать государеву службу¹⁶. Выходцы из южнорусских уездов, как правило, занимали земли и уголья самовольно, однако многие владели ею вполне законно, имея на руках соответствующие грамоты. Имели место т.н. «откупы» – временное пользование природными ресурсами промыслового уголья¹⁷. В 1677 г. воронежцы Никита Полозов «со товарищи» подали коллективную челобитную с просьбой заниматься рыбной ловлей в Бобровом юрте. Позднее, в 1684 г., 12 юртов по р. Битюг попали во владение Троицкому монастырю г. Козлов сроком на 10 лет, по прошествии которых Бобровский юрт получили во временное пользование промысловые люди из г. Добрый. В августе 1685 г. долина р. Битюг была описана И. Жолобовым, в отчете отмечены первые жители Бобровского юрта: «И в том Бобровском юрту изба, а в ней жители вотчинники добренцы Тимофей Коровайцов с товарищи»¹⁸.

О происхождении некоторой части промыслового населения Битюга конца XVII в. сообщает переписная книга пришлых людей 1697 г.¹⁹ Так, здесь наблюдаются выходцы из городов Полатова, Ельца, Нового Оскола, Усерда, Коротояка, Олешни, Острогжска, Харькова, Землянска, Ливен, Хотмыжска, Воронежа, Переславля-Рязанского и донецких городков (как записано в документе). Подобная переписная книга очень скупо сообщает о чине

(служилом или «жилецком») насельников Битюга. Зачастую, как битюгцы сами указывали о себе, это были «гуляющие люди», но среди них встречались и те, кто в прошлом нес ратную службу, а ныне оставил «в ней» вместо себя сыновей, братьев и племянников: солдатскую, рейтарскую, бобыльскую, а также в полковых и городских детях боярских. Микишка Емельянов сообщил о себе в сказке, что выходец он из города Усерд, где был в городской службе. Ныне за него остался служить его брат²⁰. Олешенец Данила Юдин, сын Лукашов, прежде бывший сыном боярским городской службы, оставил в службе своего сына²¹. Лукьян Жуликов в сказке указал, что в Новом Осколе он был «салдацкой подмощик» (солдатским помощником).

Калмык. Гравюра XVII в.

Тем не менее, долина р. Битюг продолжала оставаться достаточно опасной для проживания, жители сел, деревень и слободок самостоятельно защищали себя и укрепляли населенные пункты от внезапных нападений кочевников. Так, промысловые люди слободки Мосаловка в 1698 г. поделали возле своего селения надолбы (ряды из вертикально вкопанных в землю бревен), препятствующие подходу конницы²².

После взятия в 1696 г. Азовской крепости в долине реки Битюг было решено поселить дворцовых крестьян из центральной России. Главной их обязанностью было обеспечение продовольствием г. Азов: «как те крестьяне дворами устроены будут, и им в тех местех пахать десятинная пашня по скольку доведется, и тот хлеб, который будет в тех селех родиться, отпускать в Азов ратным людям на жалованье»². Помимо этого, крестьяне новой дворцовой волости обязаны были пахать государеву десятинную пашню, работать на скотных дворах, поставлять работных людей в места корабельного строительства и платить налоги «на канцелярский расход», «приказничий доход», содержание лошадей, пользование банями, мельницами и рыбными ловлями²⁴.

16 декабря 1698 г. последовал указ Петра I об очистке Битюга и Осереды от селений вольных людей. Всех жителей надлежало выселить в прежние места жительства, а их дома сжечь. Всех, кто рискнул бы ослушаться этого грозного приказа, ждала смертная казнь²⁵. Впоследствии, если верить отчетным данным,

указ Петра I был выполнен, на Битюге были сожжены 1515 дворов, жители выселены с насиженных мест.

Однако правительство предполагало, что вольные люди станут возвращаться на Битюг. Контролировать этот процесс было невозможно. В связи с этим 10 июля следующего года на реки Битюг и Икорец для их осмотра был направлен дьяк Н. Полярков. Как полагает историк Д.В. Василенко, некоторая часть бывших жителей Битюга после разорения могла уйти в казацкие городки, где впоследствии присоединилась к восстанию Кондратия Булавина. Летом 1708 г. булавицы пришли на Битюг. Так, 29 июня 1708 г. восставшие казаки заняли слободу Чиглянскую, где ими было всенародно объявлено: «и говорили те воровские казаки, чтоб де битюцкие жители реку Битюк очищали, а буде не очистят, и они, казаки, пришлют калмыков, то всех разорят без остатку»²⁶.

Итак, очистив долину р. Битюг от поселений вольных людей, правительство приступило к колонизации этих мест дворцовыми крестьянами из центральных уездов России. Первая волна переселенцев датируется 1701 г. Сюда были переведены 2550 дворов крестьян из Пошехонского²⁷, Ярославского, Ростовского и Костромского уездов²⁸. Судьба этих переселенцев трагична: неблагоприятное время переселения, непривычный климат, эпидемии и набеги кочевников – все это в совокупности привело к снижению численности крестьян почти на 92%²⁹.

В 1704 г. правительство повторило попытку заселить Битюг дворцовыми крестьянами. На сей раз переселить сюда планировалось 999 семей из Балахонского, Костромского, Суздальского, Владимирского и Переславль-Залесского уездов³⁰. В целях обороны волости от набегов степняков здесь было разрешено селиться вольным и служилым людям южнорусских уездов. Вдобавок ко всему им было дозволено размещаться в селениях дворцовых крестьян³¹. Первыми 20 августа 1705 г. с просьбой поселиться в Битюцкой волости обратились 14 человек ратных людей из Ливен. Им были отведены для поселения земли в верховьях р. Битюг: «по реке Ертилку до устья Чемлыку и Степлинской лукою». Ратные люди обязались служить станичную службу и караулить по крымским бродам³². Чуть позже здесь пыталась обосноваться группа служилых людей из Талицка (Талицкого острожка близ Ельца)³³.

В поручных записях битюцких жителей 1698 г., впервые опубликованных в диссертационной работе Д.В. Василенко, отмечается любопытная деталь. Судя по фамилиям 1698 г. станичников ландратской переписи 1710-1717 гг., некоторые из промысловиков после формального очищения долины р. Би-

тюг вернулись сюда, но уже в качестве служилых людей³⁴.

К 1710 г. в верховье Битюга возникли населенные пункты: Чамлык (Чамлыкская слобода), село Самовец, село Эртиль, деревня Матрена, деревня Вязковская (она же Мордовская, Мордовка). С 1722 г. все эти населенные пункты отошли к Демшинскому уезду. Ландратская перепись 1717 г. по селам битюцких станичников содержит в себе сведения и по 1710 г. Наблюдаются дворы безземельных служилых людей³⁵, а также уход станичников в хоперские казацкие городки: Иван Панфилов, сын Глазатов из деревни Мордовской, сошел в хоперские казацкие городки в 1712 г.³⁶

Однако и вторая попытка правительства колонизировать долину Битюга вновь не увенчалась успехом. Как сообщал волостной управляющий Евдоким Данилов, к 3 ноября 1705 г. с Битюга бежало 410 человек, умерло 1062. Побег происходил «беспрестанно» – крестьяне возвращались обратно, сходили в донские городки. С 1704 по 1705 г. численность дворцового крестьянства Битюцкой волости сократилась на 1405 человек, в общей сложности здесь оставалось 663 двора³⁷.

При этом в дворцовых селениях Битюцкой волости продолжают приходить вольные люди из разных окраинных городов. Как правило, это были служилые люди, их родственники и свойственники, а также крестьяне других южнорусских дворцовых волостей. Можно предположить, что все они, не желая служить тут станичную службу, селились здесь в официальном статусе дворцовых крестьян. Приведем следующие характерные примеры.

В сказке 1722 г. «гулящей человек» Федор Степанов сын Подлесный сообщал о себе, что он уроженец села Козинки Елецкого уезда, в прошлом был сыном боярским городской службы. Лет с 20 кормился в родном селе милостыней и с того села сошел в Бобровскую слободу к своему сыну – дворцовому крестьянину Захару³⁸. В ревизской сказке 1722 г. вдовы Ульяны Колычовой из Бобровской слободы отмечено, что на Битюг сошла она вместе с сыновьями Петром и Юдой из села Студенца Елецкого уезда, где ранее служили городскую службу в детях боярских³⁹. Кроме того, та же ревизская сказка 1722 г. отмечает во дворах у битюцких дворцовых крестьян зятьев, приемышей, пасынков и наемных работников из служилых людей: детей боярских городской службы, рейтар и солдат Костенка, Романова, Коротояка, Ельца, Воронежа⁴⁰.

Кроме того, обращают на себя внимание широко представленные прозвища топонимического характера жителей Битюцкой волости, записанных в ландратской переписи 1710-1717 гг., как то: Шацкий, Семилукский, Смоленский, Козловский, Алексинцев, Скопин-

цев, Костромин, Одоевцев (Одоевский), Лебедянцеv, Ростовцев, Рязанцев, Белевцев, Крапивенский⁴¹. Данный аспект примерно очерчивает регион происхождения вольных людей. Почти все они происходят из окраинных городов, за исключением выходцев из Смоленска, Костромы и Ростова.

Можно предположить, что из дворцовых крестьян первого и второго колонизационного потоков⁴² на Битюге все-таки могли оставаться какие-то единицы. Из сообщений царских переписчиков осени 1705 г. следовало, что переселенцы из Балахонского и Суздальского уездов «все умерли и разбежались, а осталось только семей с десять, и те все хворы и безмочные»⁴³. Тем не менее, некоторые факты говорят обратное. К примеру, наличие географических прозвищ, происходящих от тех уездов и волостей, откуда и происходили первые поселенцы. В 1713 г. был взят в гарнизонные солдаты Бобровской слободы Азар Алексеев, сын Пошехонов⁴⁴, в 1717 г. среди дворцовых крестьян села Шестаково фиксируется житель с географическим прозвищем «балахонец»⁴⁵.

Следует отметить еще одну группу населения Битюга, появившуюся здесь к 1712 г.

После неудачного военного похода 1711 г. российской армии во главе с Петром I и фельдмаршалом Б.П. Шереметевым в Молдавию и поражения ее от турецких войск на р. Прут Азовская крепость была возвращена Османской империи. В Битюцкую волость были присланы на поселение азовские пахотные крестьяне – 31 человек мужского пола (Бобровская слобода)⁴⁶. В селе Анненское (Анна) в одном дворе жило 16 мужчин, 12 женщин⁴⁷. На момент переписи азовские крестьяне не успели обзавестись собственными дворами и ютились буквально в одном-двух. Среди «новоприборных» станичников Бобровской слободы значится выходец из бывших азовских крестьян Фома Федоров 49-ти лет⁴⁸.

В 1713 г. гарнизон Бобровской слободы был укомплектован дворцовыми крестьянами Битюцкой волости, определенных в станични-

ки, солдаты и пушкари. В гарнизонные солдаты были взяты крестьяне из селений Чигла, Шестаково и Коршево⁴⁹, в станичники – из самой Бобровской слободы, а также из Никольского (на р. Икорец) и из азовских пахотных крестьян. Помимо прочего в гарнизоне Бобровской слободы числятся два станичника с. Чамлык, определенных в пушкарскую службу⁵⁰. Кроме прибора в ратные люди Бобровской слободы, жители сел Шестаково и Яблочное (всего 81 двор) стали ямщиками (определены в «ямскую гоньбу»)⁵¹.

Итак, в 1722 г. «новоприборных» служилых людей из числа дворцовых крестьян в Бобровской слободе значилось:

Пушкарей – 8 человек.

Станичников – 14 человек.

Солдат – 11 человек.

Итого – 33 человека.

Станичники Прокофий Куролесин, Иван Ивонин и Петр Волохов были взяты в службу после 1717 г., т.к. в ландратской переписи еще проходят как дворцовые крестьяне⁵².

Если служить пешую службу в пушкарях и солдатах бывшим крестьянам было не столь затруднительно, то служба станичная, как мы уже отмечали выше, предусматривала наличие навыков верховой езды и знание топографии степи, что зачастую не было традиционным для крестьян. Следует отметить, что к началу XVIII в. видоизменился и сам характер станичной службы. Если ранее она включала в себя сбор информации об активности крымских и ногайских татар в пределах территории сторож и станичных разъездов, осмотр сакм и т.п.⁵³, то уже в 1713 г. дворцовые крестьяне Бобровской слободы по указу Петра I были взяты в станичную службу для «грацких россылак». Вероятнее всего, битюцкие станичники стали выполнять функции т.н. «рассыльчиков» – служителей из ратных (стрельцов, казаков, пушкарей) и гражданского чина людей, определенных для посылок, донесений местных администраций и пр. Как правило, подобная гражданская служба была временной. Однако у нас нет прямых сведений о всем перечне обязанностей битюцких станичников первой половины XVIII в. При всем этом не стоит забывать, что Битюг в ту пору оставался достаточно опасным участком пограничья со степью в силу своей близости с кочевьями калмыков и крымских татар, так что ста-

Сторожевой пост

Казак. Худ. Ю. Брандт

ничная служба в своей полной функциональности здесь продолжала оставаться весьма востребованной.

Тем не менее, в первой четверти XVIII в. станичники были не редки и для северных тыловых уездов. В сказках служилых людей и однодворцев Данковского уезда 1722 г. среди рейтар и детей боярских городской службы можно повстречать т.н. «выборных станичников»: «городовой службы выборной станичник Кирей Иевлев сын Розгоняев (с. Ярославль)»⁵⁴. Длительное время станичники, как служилая категория, сохранялись также по Тамбову (с. Кузьмина Гать и пр.)⁵⁵.

Итак, подведем некоторые итоги. После разорения селений вольных людей в долине р. Битюг в конце 1698 – начале 1699 гг. и неудачных попыток правительства в 1701 и 1704 гг. перевести крестьян из центральной России, здесь, невзирая ни на что, наблюдался приток вольного населения, занимавшегося преимущественно хозяйственными промыслами. Стоит предположить, что дворцовыми крестьянами Битюцкой волости частично стали выходцы из служилых людей разных окраинных городов России, в т.ч. и те, которых принудительно выселили с Битюга в конце XVII в. Как правило, это были обедневшие и разоренные дети боярские, служилые люди полков нового строя и приборные люди «прежних служб» (из стрельцов, казаков и пр.). Не исключено, что в состав нового гарнизона Бобровской слободы в первой четверти XVIII в. попали и потомки служилых людей, некогда осевших здесь в качестве дворцовых крестьян. Таким образом, некоторые из них могли восстановиться в прежнем служилом «чине» и затем стать однодворцами. Однако в связи с крайне малым количеством информативных данных по исследуемой проблематике, вопрос остается открытым.

В приложениях к настоящей статье приводятся списки дворцовых крестьян, взятых в гарнизонную службу Бобровской слободы. Публикуется в соответствии с утвержденными правилами публикации архивных документов⁵⁶.

Приложение 1

Станичники и пушкари Бобровской слободы из дворцовых крестьян:

(Л. 172) Той же Бобровской слободы гварнизонные станичники, каторые взяты из дворцовых крестьян и живут особыми дворами:

Во дворе Алексей Казьмин сын Теребунской тритцати лет.

Во дворе Максим Никитин сын Старыхин штидесяти лет.

Станичники ж, каторые написаны в гварнизон из дворцовых крестьян и живут с отцы и свойственники в одних же домех:

Кирей Емельянов сын Филимонов дватцати девяти лет.

Иван Зеновьев сын Красной дватцати девяти лет.

Филип Потапов сын Новиков тритцати лет.
Еремей Иванов сын Белой тритцати четырех лет.

Андрей Юдин сын Кадулин тритцати девяти лет.

(Л. 172 об) Гварнизонные пушкори, каторые взяты из дворцовых крестьян и живут особыми дворами:

Во дворе Фатей Аврамов сын Курачкин сорока осьми лет.

Во дворе Авдей Ефимов сын Стрепков тритцати девяти лет. У него сын Петр десяти. У него ж на дворе сасед пушкарь же Осип Логинов сын Васильев дватцати осьми. У Осипа сын Иван тринацати лет.

Во дворе Яков Петров сын Рыльников сорока лет.

Пушкари ж, каторые живут в крестьянских дворех с отцы и свойственники в одних ж домех:

Иван Марков сын Бздюкин пятидесяти лет.
Афонасей Герасимов сын П...сенюк⁵⁷ сорока девяти лет.

Сергей Артемов сын Артемов сорока лет.
Михайла Тимофеев сын Бздюкин штидесят лет.

...

(Л. 173 об) Из азовских пахотных крестьян написан в гварнизонные станичники и живет особым двором:

Во дворе Фома Федоров сын Федоров сорока девяти. У него зять Василей Исаев сын тритцати лет.

...

(Л. 177 об) Того ж села Никольского (на р. Игорец – прим. А.Р.) гварнизонные станичники живут особыми дворами:

Во дворе Пракофей Иванов сын Куралесин тритцати четырех лет.

Во дворе Иван Дементьев сын Ивонин сорока, у него сын Федор полугоду.

Станичники ж, каторые живут с отцы и свойственники в одних домех:

Иван Ермолов сын Сушков сорока девяти лет.

Петр Евсеев сын Иноземцов тридцати шти лет.
Евдаким Яковлев Сеченого тридцати лет.
Петр Андреев сын Волохов дватцати девяти лет⁵⁸.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2 Д. 389. Л. 1-214 (1722 г.)

Приложение 2

В Бобровской слободе служилые люди из дворцовых крестьян:

Солдат Азар Алексеев сын Пешахонов (Пешехонов), ... солдат Кузьма Михайлов сын Костомаров, ... солдат Тит Михайлов Дорохов, ... пушкарь Михаил Деев⁵⁹ сын Бздюкин, ... пушкарь Фотей Абрамов сын Курочкин, ... пушкарь Осип Логинов сын Васильев, ... солдат Ермол Никонов сын Бодякин, ... солдат Иван Андреев сын Дедиков, ... солдат Епифан Лукьянов сын Коморев, ... солдат Ульян Данилов сын Пиксарев, ... солдат Карней Авдеев сын Деревенской, ... солдат Алимпей Микитин сын Казловцев, ... солдат Григорий Никулин сын Третьяков, ... солдат Иван Емельянов сын Жегулин, ... станичник Петр Емельянов сын Филимонов, ... станичник Алексей Казьмин сын Теребунской, ... станичник Максим Никитин сын Старыхин, ... станичник Фома Федоров сын Федоров, ... станичник Петр Евсеев сын Иноземцев, ... станичник Прокофей Иванов сын Куролесов⁶⁰, ... станичник Иван Дементьев сын Ивонин.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 391. Л. 1-621 (1722 г.)

¹ Как сообщают источники, до 1622 г. эта волость была вотчиной татарского кн. Булая Кудашева. После смерти бездетного князя ее получила мать царя Михаила Федоровича, старица Марфа Ивановна (в миру Ксения Ивановна Романова, жена патриарха Филарета). См. Татарские князья и их княжества. Сборник статей и материалов под редакцией Муллачура Ишеева. Нижний Новгород. – 2008. – С. 36.

² С середины 1640-х гг., после постройки острога на реке Короча и при скором образовании вокруг него уезда часть селений этой волости отошла именно к этому новообразованному административному формированию.

³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп.1. Д. 230. Л. 273, 273 об, 274, 274 об, 278, 279.

⁴ Ракитин А.С. Сторожевые казаки города Данков после черкасского разорения (1618-1650-е годы) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. 16-18 мая 2012 года. Ч. 3. – СПб: ВИМАИВиВС, 2012. – С. 88-97.

⁵ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Д. 245. Л. 2-3.

⁶ Ныне Сокольск находится в черте г. Липецк.

⁷ В.П. Загоровский Белгородская черта. – Воронеж. 1969. – С.132-134.

⁸ РГАДА. Ф.210. Дела разных городов. Д. 95. Л. 392.

⁹ Река в Тамбовской, Липецкой и Воронежской областях России. Левый приток Дона.

¹⁰ Борисов В.Б. Города Воронежской области. – Воронеж. – 1978. – С. 37-46.

¹¹ Панова В.И. Воронежское Прибитюжье в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII-XVIII вв.) – С. 70-71.

¹² Там же. – С. 71.

¹³ Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – Т. I. – СПб. 1853. – С. 965-966.

¹⁴ Капустина Н.И., Кригер Л.В., Степанова Е.Д., Соколов А.Ю. Сказ о земле Бобровской. – Воронеж. – 2009. – С. 10.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 329. Л. 122-127.

¹⁶ Борисов В.Б. Указ. соч. – С. 37-46.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 104. Л. 361-367.

¹⁸ Борисов В.Б. Указ. соч. – С. 37-46.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 1026. Л. 1-7 об.

²⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI – XVII ст. Харьков. – Т. II. – 1890. – С. 125.

²³ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. – Т. IV. – Ленинград. – 1948. – С. 282.

²⁴ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Выпуск XV. Акты XVII-XVIII столетий. / Собраны и изданы Л.Б. Вейнбергом/ Воронеж. – 1889. – С. 1655-1656.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 2519. Л. 18.

²⁶ Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII - начале XVIII вв. (на материалах Центрального Черноземья). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Воронеж. – 2003. – С. 166.

²⁷ Центр в селе Пертома. Село имело воеводскую канцелярию: «Пошехонский токмо уезд, а города не имеется».

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 2519. Л. 3-6 об.

²⁹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний... С. 1654-1655.

³⁰ Там же. – С. 1654.

³¹ Василенко Д.В. Указ. соч. – С. 161.

³² Там же.

³³ Там же. – С. 162.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1692. 134-137.

³⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 31. Л. 380 об; Ф. 350. Оп. 2. Д. 393. Л. 78.

³⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 31. Л. 380.

³⁷ Василенко Д.В. Указ. соч. – С. 165.

³⁸ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 391, л. 134.

³⁹ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 390, л. 79.

⁴⁰ Там же. Л. 38, 45, 48.

⁴¹ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 31, л. 1-427.

⁴² В 1740-х гг. начался третий колонизационный поток заселения Битюга. В частности это касалось крестьян подмосковной дворцовой Хатунской волости. См. Кобяков Ю.А. К вопросу об организованном переселении крестьян из Московской в Воронежскую губернию в XVIII веке. Воронежский вестник архивиста: научно-информ. ежегодник / Арх. отд. Воронеж. обл., Воронеж. обл. отделение рос. об-ва историков-архивистов; [гл. ред. В.В. Гуров], Воронеж: Фортуна, Вып. 8., 2010. – С. 79-86.

⁴³ Города Воронежской области. Воронеж. – 1978. – С. 37-46.

⁴⁴ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 391, л. 25.

⁴⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 31, л. 315 об.

⁴⁶ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 389, л. 173.

⁴⁷ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 31, л. 222.

⁴⁸ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 389, л. 173 об.

⁴⁹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 391, л. 25.

⁵⁰ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 390, л. 11, 12.

⁵¹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 389, л. 190-190 об.

⁵² РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 31, л. 107 об, 110.

⁵³ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846. – С. 12-17.

⁵⁴ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 838, л. 107, 128, 139.

⁵⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 238, л. 186-198 об.

⁵⁶ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд, переработанное и дополненное. – М. – 1990.

⁵⁷ Прозвище не идентифицировано.

⁵⁸ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 389, л. 172-173 об, 177.

⁵⁹ В д. 389 – «Тимофеев сын».

⁶⁰ В д. 389 – «Куролесин».

Летопись времен

А.С. Ракитин

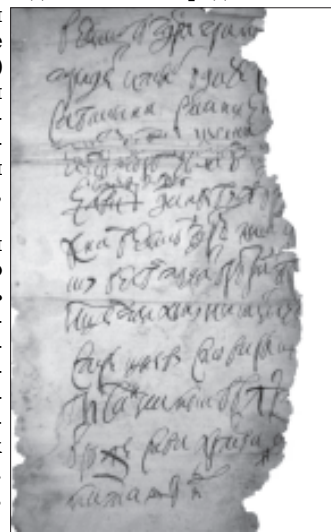
Документ по истории крестьянской колонизации долины р. Битюг начала XVIII в.

В фонде Разрядного приказа (Ф. 210) Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва), опись 24, хранится любопытный документ, касающийся крестьянской колонизации долины р. Битюг начала XVIII столетия. Документ представляет собой наказ воеводе Тихону Никитичу Стрешневу о взятии из села Собакино Усманского уезда десяти служилых людей – станичников для рассылок и выполнения других поручений, а также грамоту в Воронеж воеводе Еремею Назаровичу Хрущову.

Документ крайне плохо сохранился: правый край и низ каждого листа представляют собой ветошь, остро нуждающуюся в реставрации. Фрагменты текста по правому нижнему краю отсутствуют, восстановление текста проблематично. Третий лист наказа (чернового варианта) посредине сложен «гармошкой». В связи с этим, а также в связи с плохим почерком листов «чернового варианта» отписки места прочтения текста источника затруднительно и зачастую практически невозможно, однако общий контекст документа в целом понятен. Листы документа не имеют присвоенной нумерации, поэтому здесь они идут под номерами публикатора.

В связи с частыми набегами крымских, ногайских татар и калмыков долина р. Битюг долгое время не имела постоянного населения. Здесь была распространена промысловая деятельность южнорусского населения. Однако с середины 1680-х гг. в Прибитюжье стали появляться служилые люди из городков Белгородской черты, их родственники, братья и племянники, которые по ряду причин не были взяты в ратную службу. Впоследствии русское правительство несколько раз приступало к колонизации этих мест дворцовыми крестьянами из центральных уездов России. Первая волна переселенцев датируется 1701 г. Сюда были переведены 2550 дворов крестьян из Пошехонского¹, Ярославского, Ростовского и Костромского уездов².

Переселение крестьян из означенных выше мест происходило весной 1700 г., наказ Стрешневу датируется мартом этого года.

Фрагмент архивного дела
(РГАДА, г. Москва)

Станичники из села Собакино Усманского уезда³ (в XVII в. здесь жили беломестные атама-ны⁴) должны были сообщать в местные учреждения о ходе переселения, передавать воеводские отписки и выполнять другие его поручения. Следует отметить, что к началу XVIII в. видоизменился и сам характер станичной службы. Если ранее она включала в себя сбор информации об активности калмыков, крымских и ногайских татар в пределах территории сторож и станичных разъездов, осмотр сакм и т.п.⁵, то уже к началу XVIII в. станичники выполняли всего лишь функции рассыльщиков. В 1713 г. некоторые дворцовые крестьяне Бобровской слободы по указу Петра I были взяты в станичную службу для «грацких россылак».

Публикуется в соответствии с утвержденными правилами публикации архивных документов⁶.

**Дело о выводе 2550 семей дворцовых крестьян на р. Битюг
(март 1700 г.)**

[Л. 1]⁷ Лета 1700 марта 8 [день]⁸ по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи. Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец указал поселить на реке Бетюке дворцовых пошехонских две тысячи пятьсот пятьдесят дворов крестьянских и бобыльских. И для поселения послан стольник Гара[сим]⁹ Дмитриев сын Плещеев, а для розсылки о даче ему из села Собаки[но]¹⁰ десять человек станичико[в ...]¹¹. И о послушной своей вели[кого]¹² государя грамоте в то[м]¹³ великого государя указ. А [...]¹⁴ в Розряде тебе, боярину [Тихону]¹⁵ Никитичю с товарищ[и]¹⁶ указ великого государя [царя и великого]¹⁷ князя Петра Алексе[евича]¹⁸ Великия и Ма[лыя и Белья]¹⁹ Росии самодержца б[...]²⁰ Тихону Никити[чю] Стрешневу²¹ с товарищи у[...]²² о том по указу великого государя²³.

[Л. 2] От великого государя царя и [великого]²⁴ князя Петра Алексеевича Великия и Малыя и Белья Росии самодержца на Во[ронеж]²⁵ стольнику нашему и воеводе Ереме[ю]²⁶ Назаревичю Хрущову марта 8 числа ныняшнего 1[700] году] Приказу Большого дворца -написано велено де-²⁷-поселить на реке Бетюке двор[цовых] пошехонских [...]²⁸ две тысячи пятьсот пятьдесят дворов -крестьянских и бобыльских-²⁹ и посла[...]³⁰ Гарасим Плещеев [для роз]сылки из села Со[бакино ста]ничников десять человек. И как к тебе ся [Л. 3] великого государя грамо[та] придет и ты б о даче и[з села] Сабакино станичн[иков] десять человек [...]³¹ к нам, великому государю, [...]³² Никитичю Стрешневу со товарищ[и]

Писан на Москве лета от Рожества Христова 1[700] марта в 8 день.

На оборотах:

[...]³³ и о том великого государя посылана [...]³⁴.

Справил Никифор Панов.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 24. Д. 386.

¹ Центр в селе Пертома. Село имело воеводскую канцелярию: «Пошехонский токмо уезд, а города не имеется».

² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 2519. Л. 3-6 об.

³ Выделился в 1645 г. из состава Воронежского уезда.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Дела десятиен. Д. 142. Л. 54-58.

⁵ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846. – С. 12-17.

⁶ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М., 1990.

⁷ Первоисточник ветх и нумерации не имеет, листаж условно поставлен публикатором.

⁸ Фрагмент с текстом утрачен.

⁹ Фрагмент с текстом утрачен.

¹⁰ Фрагмент с текстом утрачен.

¹¹ Фрагмент с текстом утрачен.

¹² Фрагмент с текстом утрачен.

¹³ Фрагмент с текстом утрачен.

¹⁴ Фрагмент утрачен.

¹⁵ Не читается.

¹⁶ Фрагмент с текстом утрачен.

- ¹⁷ Фрагмент с текстом утрачен.
¹⁸ Фрагмент с текстом утрачен.
¹⁹ Фрагмент с текстом утрачен.
²⁰ Фрагмент утрачен, вероятно «быть».
²¹ Фрагмент с текстом утрачен.
²² Фрагмент утрачен.
²³ Далее следует подпись, не читается. Вероятно, речь идет об информировании центра воеводой о ходе переселения крестьян.
²⁴ Фрагмент с текстом утрачен.
²⁵ Фрагмент утрачен.
²⁶ Фрагмент утрачен.
²⁷ Зачеркнуто.
²⁸ Фрагмент утрачен.
²⁹ Зачеркнуто.
³⁰ Фрагмент утрачен.
³¹ Фрагмент утрачен.
³² Фрагмент утрачен. Вероятно, далее следует «отписал».
³³ Неразборчиво.
³⁴ Неразборчиво.

Мнение

С.Н. Подлесных

О роли устной истории в исторических исследованиях

Роль устных источников в исторических исследованиях до недавнего времени была весьма скромной. Они использовались в основном в качестве дополнения к исследованиям, где основными источниками выступали письменные. Однако на современном этапе развития исторической науки в этой взаимосвязи наметились серьезные изменения.

За рубежом устная история получила большее распространение, чем в России. Изучая новейшую историю посредством введения нового типа источника, «ученые пришли к мнению, что устная история открывает огромные возможности, особенно в изучении массовых процессов, в достижении объективности оценки исторических событий»¹.

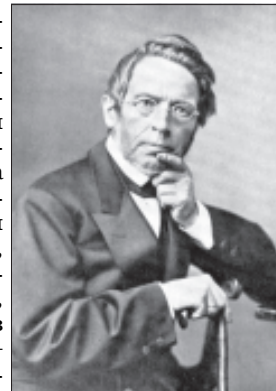
Не упоминание, а активное употребление термина «устная история» известно уже в 1838 году у Шелдона Дайбла. Другие прецеденты бытования термина отмечены деятельностью Лимана Драпера, интервьюирующего с 1844 г., Барбе д'Оревилли (1852), Хуберта Банкрофта (1870), Эндрю Енсена, с середины 90-х годов прошлого века начавшего составлять «устную историю» мармонов...»².

Однако широкое распространение в историографии и источниковедении термин «устная история» получил после работ американского преподавателя истории в Колумбийском университете Аллана Невинса в середине XX в. Первоначально этот исследователь отводил устной истории роль «изучения лично-

сти в прошлом и конструирование биографии человека на основе устных свидетельств»³. Впоследствии спектр вопросов, которые отводились для решения устно-историческими методами, был существенно расширен.

Человеческая память имеет свойство забывать события прошедшего времени. Это совершенно объективная закономерность. В первую очередь, в том числе данное обстоятельство является обоснованием для ряда специалистов говорить о роли устной истории в исторических исследованиях как о второстепенной. Ведь, делаясь своими воспоминаниями, человек, обладающий исторически значимой информацией, может исказить знание о прошлом.

Автором, создателем письменных источников также является человек. Зачастую умышленно или неосторожно письменные источники из-за субъективного восприятия того (или тех), кто их создает, страдают историческими неточностями, противоречиями, а в некоторых случаях – содержат вымышленную информацию.

И.Г. Дройзен

С.О. Шмидт

Проблема достоверности исторических источников – это проблема не только устной истории. Это проблема исторической науки в целом. Любой исторический источник субъективен, ибо отражает прошлое, в том числе, в форме личных переживаний (в той или иной степени). Отсюда вытекает необходимость научной критики и анализа того или иного

источника, необходимость их исследования в совокупности, а не отдельно друг от друга. Думается, что именно разнообразие методов исторического исследования можно приблизить к объективной реконструкции событий, которые произошли в прошлом. Еще немецкий историк XIX в. Иоганн Густав Дройзен говорил, что перекрестный анализ различных видов источников наиболее предпочтителен в историческом исследовании, ибо в определенной мере позволяет избежать их неправильной трактовки⁴.

В общем плане исторический источник – это любой носитель информации о прошлом.

В Советской исторической энциклопедии, к примеру, дается широкое понятие исторического источника: «Исторический источник – это все непосредственно отражающее исторический процесс, все, созданное человеческим обществом»⁵.

В источниковедческой науке существует множество классификаций источников⁶. Однако по большому счету всех их можно подразделить на два типа: источники, закрепленные на любом виде материального носителя информации, и источники, где носителем информации является человеческая память (в данном случае информация о прошлом может передаваться также в виде традиций и обычаев).

В самом широком смысле развитие взаимосвязи письменной и устной истории в исторических исследованиях может иметь два варианта:

- от письменной к устной истории (на сегодня самый распространенный вариант);
- от устной к письменной истории.

Первый вариант ставит в доминантное положение письменные исторические источники, как наиболее достоверные и объективные. В исторических исследованиях подобного типа устные источники, если и используются, то

занимают второстепенное положение по отношению к общей совокупности источников письменных. Такие исследования начинаются с поиска информации именно в письменной истории.

Второй вариант, как правило, ставит знак равенства в объективности информационной самостоятельности как письменных, так и устных источников. Такие исторические исследования могут иметь свое начало в устной истории и уже впоследствии подкрепляться выводами, к примеру, с использованием архивных документов.

По нашему мнению, положение и значимость устных источников среди иных видов исторических источников, как минимум, не должны занижаться.

Устная история имеет определенное преимущество в исторических событиях недавнего прошлого. Вполне понятно, что границы устной истории заканчиваются там, где заканчивается жизнь участника или участников определенного исторического события.

Устная история также есть специфическая методика сбора информации, имеющей историческую значимость и ценность. В этом смысле она не является каким-либо самостоятельным разделом исторической науки наравне, к примеру, с историей права, историей философии, историей церкви, историей образования и т.д. (ибо является одним из ее методов, применимым в любой

По определению С.О. Шмидта, устная история – это «практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами»⁷.

обой отрасли человеческого знания о прошлом). Поэтому в данном контексте под ролью устной истории мы должны

понимать ту роль, которая имеет методологический характер, а именно: устная история как один из способов получения исторически значимой информации наравне с иными методами исторической науки.

По большому счету невозможно сказать, специалисты каких областей знания занимаются устной историей в большей или меньшей степени. Устно-исторический метод используется в антропологии, социологии, этнологии. Даже журналистика может назвать себя той сферой отображения реальной действительности, где также немалая роль принадлежит рассматриваемому методу. Таким образом, данная методика используется не только историками, но и специалистами смежных отраслей гуманитарного знания, которые, в свою очередь, также могут писать историю.

Практика устной истории имеет немалую эффективность в этнографических исследованиях, направленных на собирание народного фольклора, чаще всего именно устного. Народное творчество отражает жизнь народа

(в том числе в исторической ретроспективе), его идеалы, воззрения и принципы. Исследователь, фиксируя создаваемые народом сказки, песни, частушки, предания и т.д., сохраняет, в том числе, народную историю, выраженную в художественной форме. Именно народное творчество в первую очередь выражает национальное самосознание и идентичность.

При написании исследования методами устной истории необходимо учитывать положение человека в происшедших событиях, его отношение к рассматриваемому историческому факту, событию.

Исторически значимая информация, полученная методами опроса, интервьюирования, анкетирования, может стать отправной точкой для изучения ранее неизвестных фактов и событий. Зачастую интерес представляют не сами фактические данные, а их оценка.

При исследовании краеведческих тем очень часто можно столкнуться с полным или частичным отсутствием письменных источников при большом количестве устных. Такие источники для исследований на местные темы могут быть единственной исторически значимой информацией. В таком случае велика степень субъективизма подобной работы, которая требует более тщательного сопоставления и сравнения всего комплекса устных источников на заданную тему.

Важное место в практике устной истории отводится исследователю. Чем качественнее он проведет сбор устной исторически значимой информации, тем объективнее, полнее и достовернее получится реконструкция прошлого.

При правильном подходе, разностороннем анализе информации, полученной методами устной истории, у специалиста-историка, краеведа появляется очень важный исторический источник, который позволяет создать более яркое и насыщенное представление о событиях прошлого или определенной исторической личности. Безусловным преимуществом исследования, проведенного, в том числе, устно-историческими методами, является то, что такая статья или монография интересна не только специалисту, но и широкому кругу читателей. Устная история позволяет популяризировать знание о прошлом, сделать его более доступным для простого читателя. Такое исследование становится более насыщенным, живым, более точно передает дух и особенности изучаемого времени, «помогает воспринять опыт поколения или социальной группы через личный опыт его представителя»⁸.

Вполне очевидно, что пока методологическое многообразие, которое может дать устная история, далеко неполно реализовано. Одна-

ко не стоит минимизировать роль устных источников в общей совокупности исторической информации. Потенциал устной истории велик, а ее роль является одной из ведущих в становлении новой модели получения исторической информации. Возможно, именно тогда будет написана история не только государства, но и народа.

Можно согласиться с британским ученым Полом Томпсоном, теоретиком устной истории, который сказал следующее: «Если потенциал устной истории будет реализован полностью, то результатом станет не конкретный список названий в одном из разделов научной библиографии, а коренное изменение способа написания и изучения истории, вопросов и суждений, а также самой структуры исторической науки»⁹.

¹ Иванова Г.М. Место и роль устных исторических источников в изучении и преподавании истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // http://samlib.ru/i/iwanowa_g/rolximestoustnyhistoricheskikhistrochnikow.shtml.

² Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – С. 10.

³ Бутько В.Н. «Устная история» в контексте изучения личности / Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции). – Минск: БГУ, 2011. – С. 162.

⁴ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории». – 2007. – Вып. 18. – С. 80.

⁵ Советская историческая энциклопедия в 16 т. Т. 6 / Глав. ред. Е.М. Жуков. – М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1965. – С. 591.

⁶ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко – М.: Наука, 1987. – 441 с.; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 1-2 / А.С. Лаппо-Данилевский - М.: РОССПЭН, 2010. – 1040 с.; Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.Н. Пушкарев – М.: Наука, 1975 – 281 с.; Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии / С.О. Шмидт. – М. – Изд-во РГГУ, 1997. – 612 с.

⁷ Шмидт С.О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. – 1991. – 27 января – 1 февраля. – С. 262.

⁸ Бутько В.Н. «Устная история» в контексте изучения личности. – С. 166.

⁹ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – С. 89.

Страницы устной истории

Н.А. Макаров

Полвека краеведения, или Из практики устной истории

Новокурлакские краеведы¹ занимаются сбором устной истории на протяжении полувека. А начало этому положили ученики местной школы под руководством учителя русского языка и литературы Микляевой Марии Максимовны. Она сама так описала этот, в общем-то, исторический момент:

«Сентябрь 1963 года выдался теплым. Дни стояли яркие, совсем не осенние. Хмурых туч и в помине не было на голубом небе. Но солнце, конечно, светило уже не столь щедро, а налетавший ветерок напоминал о том, что на дворе – осень. Поэтому ни у кого не возникало желания снять плащ или теплую кофточку, когда машина везла школьников на колхозное поле, где они убрали кукурузу. Среди них были и девятиклассники, члены драматического кружка. Они решились на большое дело: написать историю родного села.

Об этом только и шли разговоры на поле. Работали на совесть. Обедать садились прямо в кукурузе, и тогда казалось, что лето не собирается уходить. Немного уставшие, проголодавшиеся, все с удовольствием смотрели на горки золотистых початков.

Краеведы не думали об усталости. Они знали, что после работы будут выполнять намеченный план: посещать старожилов, беседовать с ними и записывать их воспоминания»².

Действительно, дело, которым решили заняться старшеклассники в далеком уже 1963 г., было грандиозным. Тогда ребята не думали, что оно окажется очень затяжным, потребует нескольких десятилетий усилий все новых и новых поколений краеведов. А «ядро» первых краеведов-энтузиастов составляли Манышина Мария, Корыпаева Валентина, Калаева Таисия, Попкова Зоя, Бебнева Зинаида, Желнинский Анатолий, Батраков Виктор, Зайцев Александр. Они беседовали с теми, кто помнил «Курлаки» дореволюционных времен, мог описать усадьбу помещиков Станкевичей и их самих, что дало богатейшие материалы по истории соседних сел: Нового и Старого Курлака, Мохового, Хлебородного, Бродового. Краеведы подробно записывали воспоминания своих респондентов, даже не подозревая о том, что собирают устную историю. Этот термин был введен в научный оборот у нас в стране относительно недавно, хотя практиковался краеведами-любителями, можно сказать, с незапамятных времен.

Следующее поколение юных исследователей истории села: Татаринская Юлия, Семененко Ольга, Петриченко Александра, Матросова Раиса, Козина Галина, Садохина Татьяна – уг-

лубило материалы предшественников. Они многое разузнали о событиях, происходивших в Новом Курлаке и окрестных селах в начале XX в., в годы Гражданской войны и первые годы новой, советской эпохи. Они отыскивали с помощью старожилов на сельском кладбище могилу, где покоится прах молодых красноармейцев, павших в 1919 г. в боях за станцию Таловая. Они занимались поиском первых курлакских коммунистов и комсомольцев. Пусть сейчас существует далеко не однозначное отношение к советскому периоду, но для истории нет ничего второстепенного.

Еще одна плеяда кружковцев: Воробьева Нина, Веретина Любовь, Фырина Надежда, Овечкина Татьяна, Сысовская Татьяна, Татаринская Татьяна, Макарова Надежда, Татаринский Василий, Пронин Александр, Торопцева Мария – также внесла большой вклад в дело по изучению истории родного края. Это они в течение трех лет (1973-1975 гг.) собирали материалы об участниках Великой Отечественной войны. В результате к 30-летию Победы появилась «Книга боевой славы».

В 1980-е гг. продолжали работу Долникова Галина, Макарова Наталья, Садохина Галина, Каширо Галина, Сысовская Наталья.

М.М. Микляева ушла на пенсию, и «эстафетная палочка» руководства краеведческим кружком перешла ко мне. Мы вместе с ребятами конца 90-х гг. XX в. и начала нашего столетия провели большую работу по восстановлению доброй памяти тех, кто был незаконно и безвинно репрессирован при сталинском режиме. Итогом работы было открытие перед школой памятника жертвам политических репрессий.

Мои подопечные: Батракова Ирина, Подлесных Сергей, Борзаков Алексей, Гранкин Константин, Губарев Александр, Алиев Сергей, Стешин Алексей, Бабенкова Елена, Хаваева Елена, Нарижный Николай – работали на самом деле с энтузиазмом. Эта работа продолжается и сейчас.

В 1999 г. Международное историко-просветительское благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» объявило конкурс исторических исследовательских работ для старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век», в котором мы ежегодно участвуем. Он дал сильный стимул мне и моим краеведам в работе по воссозданию событий «местного значения». В 2006 г. в московском издательстве «Звенья» вышел в свет сборник «Мы все с одной деревни», где помещены сочинения моих

учеников, посланные на конкурс. В последние годы больших успехов в конкурсе добились Ковалёв Александр, Борзакова Марина, Губарёва Дарья, Козлова Дарья, Галина Татьяна, Скопничева Елена, Каширо Павел.

Конечно, то, чем мы занимаемся, нельзя назвать «высокой» наукой. По сбору устной истории существуют четкие критерии, этот вид получения исторических сведений подчинен определенным правилам, которым мы не всегда следуем. Когда-то мы и не помышляли о том, чтобы задействовать диктофон (теперь эта проблема, естественно, отпала), все записывалось от руки, какие-то мысли наших собеседников оставались «за бортом». В нашей исследовательской деятельности мы используем не только устные источники. Также работаем с опубликованными трудами, ездим в архивы и библиотеки, находим нужные периодические издания, ведем переписку с интересующими нас людьми. И все-таки на первом месте, безусловно, для нас стоят те самые «устные источники», ведь по истории наших сел не так уж много опубликовано научных трудов, а доступ в архивы для школьников в последнее время стал практически закрытым.

Как мы работаем?

На мой взгляд, достаточно традиционно. На первом этапе мы выбираем собеседника, который мог бы помочь глубже раскрыть тему исследования. При этом для нас важно, чтобы респондент проявлял желание говорить откровенно. Весьма значимым критерием при поиске устного источника является его способность запоминать детали прошлого, которые подчас играют главную роль при воссоздании тех или иных событий повседневности.

Не менее важно удачно определить время и место встречи, мы всегда заранее «ведем переговоры» и учитываем пожелания собеседника. Надо сделать так, чтобы беседующий с нами человек не смотрел поминутно на часы, не нервничал по поводу потерянного для него времени. Во время беседы мы стараемся создать атмосферу комфортности и непринужденности. Иногда необходимо просто поговорить о погоде, о делах на огороде и последних сельских новостях, прежде чем приступить к непосредственному интервью по теме. Главное во время беседы – уметь внимательно и четко слушать, не перебивая респондента мелкими и незначительными вопросами.

Основные вопросы интервью мы готовим заранее. Естественно, в процессе разговора приходится «уходить в сторону», но известно, что хорошая импровизация – это подготовленная импровизация.

Мы прекрасно понимаем: законы памяти таковы, что в ней остаются только те моменты, которые конкретный человек хочет сохранить. Факты, передаваемые устным источником, далеко не всегда достоверны и требуют перепроверки при помощи других средств.

Тем не менее, наша исследовательская работа по истории родного края опирается в первую очередь на устные источники.

Что дает такая работа? Для ответа на этот вопрос я хотел бы прибегнуть к записям моих теперешних краеведов, которые исследуют историю сельского комсомола.

Гальцова Дарья: «Все интервью, которые мы провели, были интересными, из каждого я что-то вынесла для себя. Но больше всего мне запомнилось интервью с Желнинской (Макаровой) Ниной Ивановной. Она очень честно, правдиво отвечала на все вопросы, не пыталась говорить «как нужно», а говорила только от души. Она охотно рассказывала смешные случаи из своей школьной жизни. Но во время беседы было не только смешно, порой, даже страшно.

Когда она коснулась коллективизации и раскулачивания в наших селах, то у меня просто мурашки бегали по коже. Особенно запомнилось, как она, в то время маленький ребенок, вела себя при посещении их дома налоговым агентом. Ей показалось, что за неуплату налогов у нее отберут единственную игрушку – куклу».

Караборчева Софья: «Мы провели много интервью с бывшими комсомольцами, все они были интересны по-своему, но больше всего мне запомнилось интервью с Толкачёвой Н.Н. Мы не задавали ей своих традиционных вопросов, нам надо было лишь внимательно ее слушать. Нина Николаевна не пыталась «приукрасить» свою комсомольскую юность, она сразу же сказала: «Комсомол как-то прошел мимо меня, и я его даже и не заметила». И еще: «Говорили: в комсомол принимают лучших, самых лучших. А принимали всех подряд». На мой взгляд, именно такие честные интервью имеют наибольшую ценность».

Перед выездом в очередную экспедицию.
Слева направо: В. Мещеряков, Н. Веретин, А. Пятецкий,
Н.А. Макаров, В. Пятецкая. Современное фото

Пятецкая Виктория: «Честно сказать, я побаивалась, когда мы готовились к интервью с М.М. Микляевой. Она же была учителем русского языка и литературы, поэтому я думала, что она может оказаться чересчур строгой и даже злой. Но как только я ее увидела, то сразу поняла: мое мнение ошибочно. А лишь началась беседа, я заметила, что глаза Марии Максимовны сияют, что она искренне хочет помочь нам. Во время разговора Мария Максимовна стала рассказывать нам стихотворение о России, и я заметила в ее глазах слезы, хоть она и пыталась это скрыть. Мне хочется еще и еще приходить к этому человеку».

В заключении прошлогодней исследовательской работы под названием «Курлак-42» мои ученики писали: «Что дала нам эта работа? Впервые, мы вживую познакомились с людьми – очевидцами того нелегкого времени. К сожалению, их становится все меньше и меньше, так устроена жизнь. Нам безумно интересно было с ними общаться. Они совсем не такие, как изображают «тружениц тыла» в фильмах и книгах. Беседа «с глаза на глаз» дает больше, чем всякий фильм. Мы узнали, что жизнь в нашем селе даже во время войны не замерла. Молодежь и тогда танцевала, как мы сейчас.

Во-вторых, благодаря нашей исследовательской работе мы в какой-то степени изменили свое мышление, да и вообще характер. Мы начали ценить жизнь, наверное. Конечно, нам достаточно трудно понять жизнь старшего поколения, но эта работа приблизила нас к пониманию прошлых лет. Когда мы слушали о том, как работали бабушки во время войны, то думали: мы бы, наверное, не выдержали.

В общем, мы поняли, что такое война. Это не только битва за Москву или Сталинградская битва. В нашем Курлаке это тоже была война, и тут шла борьба со смертью»³.

Да, наша работа не носит строго научного характера; да, не все мои ученики захотят поступать после школы на исторические факультеты, но если они приходят к таким выводам, то наша деятельность по сбору устной истории не является напрасной.

¹ Село Новый Курлак Аннинского района Воронежской области.

² Макаров Н.А., Микляева М.М. История села Новый Курлак. Рукопись.

³ Веретин Н., Мещеряков В., Новиков И. Курлак-42. Рукопись.

Е.П. Романов Чеховы из Богучара

Среди многочисленного семейства Чеховых, переехавших из с. Ольховатка и живших в XIX – XX вв. в Богучарском уезде, есть одна интересная семья. Семья Евгения Емельяновича Чехова. Об этой семье рассказала жительница села Филоново Богучарского района Чернышова Анастасия Евдокимовна. Евгений Емельянович Чехов имел пятерых детей: Марию, Константина, Анну, Валентину и Ивана. Евгений Чехов, бывший сельский псаломщик, выхлопотал бесплатное обучение в духовной семинарии для старшего сына Ивана.

Расчет был на то, что Иван, окончив семинарию, поможет получить образование младшим, брату и сестрам. Так и вышло: Константин стал бухгалтером, Анна и Валентина – врачами. Мария Евгеньевна, окончившая Воронежское Епархиальное училище в 1911 г., работала учителем в с. Филоново, а в 1913 г. была переведена в с. Плесновка¹.

Иван Евгеньевич Чехов.
Фотограф Л.Э. Непперт

Владимир, сын Ивана Чехова, вспоминал: «В середине XIX в. семья моего предка переехала в село Филоново Богучарского уезда, которое находится недалеко от Ольховатки... а сам я не Струнников Владимир Александрович, а Чехов Владимир Иванович. В детстве я часто слышал в разговорах взрослых упоминания о родственниках, оставшихся в этом селе»². «Отец был мастером на все руки: токарем, столяром и плотником. Вся наша деревянная мебель и множество ульев для пчел были сделаны им. Он чинил часы, швейные машинки, даже мотоциклы и первые появившиеся в селах тракторы. Дубил кожи и сам шил для нас обувь. Из многочисленных шкурок разводимых им кроликов шил нам разнообразную меховую одежду и шапки. Из различных выброшенных машинных частей соорудил маслобойку. Прекрасно фотографировал»³.

Иван женился на Ларисе Митрофановне Поповой (прожила до 89 лет), которая была дочерью филоновского священника. «Она получила хорошее образование в каком-то специальном воронежском заведении для благородных девиц. Такая возможность предоставилась ей благодаря тому, что директором там был муж двоюродной сестры моей бабушки. Един-

Лариса Митрофановна
Попова (жена И.Е. Чехова).
Фотограф Л.Э. Непперт

Владимир Иванович
(Александрович) Чехов
(Струнников)

ственный брат матери погиб во время Гражданской войны, и всю жизнь бабушка тяжело переживала его гибель. Мать замечательно вышивала, и это было единственным доходом семьи в те времена, когда после ареста отца и моего отъезда она осталась с двумя девочками». В двадцатых годах семья была раскулачена. В журнале «Природа», № 8 за 2004 г., Владимир в интервью говорил: «О фамильном с ней родстве [имеется в виду семья Антона Павловича Чехова – Е.Р.] подсказала бы хранившаяся в нашей семье фотография Антона Павловича с дарственной надписью на обратной стороне и подписью. Кому была подарена эта фотография, меня тогда не интересовало, а потом уже было поздно – ее навеки поглотил архив

НКВД. Накануне ареста отца в 1928 г. богучарский чекист, проводивший обыск, заинтересовался фотографиями, а среди них и была фотография Антона Павловича. Увидев ее, чекист спросил, где живет этот Чехов, а когда объяснили, что на фото известный писатель, умерший в 1904 г., представитель «органов» обещал все проверить и разобраться. Разобрались они или нет, не знаю, а тайна дарственной надписи так и осталась мной неразгаданной»⁴.

Совсем недавно удалось разгадать тайну этой фотографии. Помогла в этом Лариса Владимировна Струнникова, дочь Владимира, работник Института биологии развития им. Кольцова Российской академии наук. Она подарила мне книгу В.А. Струнникова «Шелковый путь», изданную Российской академией наук в 2004 г. Так вот, в книге есть строки о том, что фотография Антона Павловича с дарственной надписью была сделана в фотостудии Л.Э. Непперта. Не так давно газета «Воронежская неделя» опубликовала очерк Николая Дядина «Фотографъ Смирновъ и другие», в котором упоминается, что Л.Э. Неп-

перт работал в г. Богучаре до начала XX в. Владимир Струнников пишет в своей книге: «В этой же студии фотографировались в молодости и мои родители». Фото Ивана Евгеньевича Чехова и Ларисы Митрофановны Чеховой (Поповой) [Лариса Митрофановна Попова – жена Ивана Евгеньевича – Е.Р.] и сейчас хранятся в личном архиве дочери Ларисы Владимировны Струнниковой.

В моем архиве хранится несколько писем Ларисы Струнниковой, в одном из них она пишет: «В свое время Мария Евгеньевна сумела доказать свое родство с А.П. Чеховым, общалась с сестрой Антона Павловича Марией, и ей даже предлагали заведовать домом-музеем Чехова в Ялте».

На основании вышеперечисленного можно предположить, что Антон Чехов был в г. Богучаре и фотографировался у Л.Э. Непперта. Но возникает вопрос: когда это произошло? И ответ на этот вопрос найден. Он – в книге британского профессора русской и грузинской литературы колледжа Королевы Марии Лондонского университета Дональда Рейфилда «Жизнь Антона Чехова». Автор пишет: «Павел Егорович одолевал Антона и Колю поручениями: навестить отца Василия Бандакова, узнать, что слышно о старой няне, заехать в Твердохлебово... поклониться гробу деда». Было это в конце августа 1880 г., когда Антон возвращался из Таганрога в Москву. Дорога в с. Твердохлебовка была хорошо известна Михаилу Егоровичу Чехову [родной дядя Антона Павловича Чехова – Е.Р.]. Когда он ехал на похороны отца из г. Таганрога в с. Твердохлебовка в марте 1879 г., путь из с. Кантемировка до с. Твердохлебовка на лошадах протяженностью 45 верст занял у него семь часов. Возможно, Антон Чехов был в г. Богучар и посетил могилу деда, встречался с родственниками. В это время в городе жила его двоюродная сестра Анастасия Кожевникова, которая была замужем за сотрудником Богучарской управы Кудиновым Акимом. Недалеко от них жили и дети Евгения Емельяновича Чехова.

Воспоминания о той поездке из Кантемировки в Твердохлебовку и Богучар легли, по моему мнению, в основу повести Антона Чехова «Степь». В повести упоминается и богучарский острог: «...Егорушка [неслучайно имя деда Антона Чехова Егор – Е.Р.] взглянул на часовых, тихо ходивших около высокой белой стены, на маленькие решетчатые окна, на крест, блестящий на крыше, и вспомнил, как неделю тому назад, в день Казанской божией матери, он ходил с мамашей в острожную церковь на престольный праздник; а еще ранее, на Пасху, он приходил в острог с кухаркой

Людмилой и с Дениской и приносил сюда куличи, яйца, пироги и жареную говядину; арестанты благодарили и крестились...». Кстати, именно этот сюжет с острогом лег в основу картины знаменитого художника-передвижника С.В. Иванова «У острога», написанной в г. Богучаре в 1885 г. В повести упоминается и кладбище: «За острогом промелькнули черные, закопченные кузницы, за ними уютное, зеленое кладбище, обнесенное оградой из булыжника». Богучарский пейзаж напоминают вот эти строки: «...небо сходится с землею, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками...». И еще: «Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля – все, побуревшее от зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росой и облаканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести. Над дорогой с веселым криком носились старички, в траве перекликались суслики... Легит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелой несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно. А вдали машет крыльями мельница... Обоз расположился в стороне от деревни на берегу реки» [дорога на с. Твердохлебовка и сейчас проходит рядом с рекой Богучарка – Е.Р.]. В повести отражаются и переживания по поводу смерти деда и одиночества бабушки: «Тогда, благодарить бога, все живы и здоровы были, а теперь не знаю... Может, кто и помер... А помирать уж время, потому все старые, есть которые постаршее меня. Смерть ничего, оно хорошо, да только бы, конечно, без покаяния не помереть. Нет пуще лиха, как наглая смерть. Наглая-то смерть бесу радость. А коли хочешь с покаянием помереть, чтобы стало быть, в чертоги божии запрету тебе не было, Варваре-великомученице молись. Она ходатайница. Она, это верно... Потому ей бог в небесах такое положение определил, чтоб, значит, каждый имел полную праву ее насчет покаяния молить... Егорушка думал о бабушке, которая спит теперь на кладбище под вишневыми деревьями; он вспомнил, как она лежала в гробу с медными пятаками на глазах, как потом ее прикрыли крышкой и опустили в могилу; припомнился ему и глухой стук комков земли о крышку... Он представил себе бабушку в тесном и темном гробу, всеми оставленную и беспомощную». Последние слова в повести особенно показательны: «Егорушка почувствовал, что с этими людьми для него исчезло навсегда, как дым, все то, что до сих пор было пережито; он опустил в изнеможении на лавочку и горькими слезами при-

ветствовал новую, неведомую жизнь, которая теперь начиналась для него...». В этих словах заключено прощание с родными из Таганрога и Богучарского края, переживания Антона, связанные с новой жизнью в Москве. Вполне возможно, что в «Степи» описано путешествие самого Антона к могиле деда Егора.

Упоминание о поездке в Богучар осталось и в письме, датированном 18 января 1887 г., М.Е. Чехову от Антона, где он пишет о беседе со своим другом А.С. Сувориным: «Всякий раз, когда мы видимся, у нас бывает разговор об Ольховатке, Богучаре...». Впечатлений от поездки в Твердохлебовку и Богучар у Антона осталось много, да и фотография Антона Чехова, выполненная в фотостудии Л.Э. Непперта, осталась в семье филоновских Чеховых.

Но вернемся к семье Ивана Чехова. Иван родился в с. Филоново. Он был прекрасным фотографом, имел свое фотоателье. Наверное, талант фотографа унаследовал от отца. У меня в архиве сохранилась его фотография богучарских мальчишек, датированная 1915 г. В конце 20-х гг. он был раскулачен. В 1932 г. вернулся в г. Богучар, снова открыл фотоателье, но вскоре его арестовали. На печатном бланке Воронежской епархии значилось, что он был расстрелян 23 октября 1937 г. Уже в 2004 г. Ларисе Струнниковой удалось выяснить, что дело № П-14619 с документами Ивана Чехова хранятся в Воронежском ФСБ.

Несмотря на репрессии, благополучно и в то же время трагически сложилась судьба сына Ивана – Владимира (1914 г.р.), известного впоследствии как Владимира Александровича Струнникова, Героя Социалистического Труда, действительного члена РАН, русского академика, генетика-селекционера. В дни празднования своего юбилея он вспоминал: «После раскулачивания и ареста отца мы вынуждены были переселиться к родственникам в Богучар. Из источников доходов у нас остался только один – мамино вышивание. Но на нем много не заработаешь. Поэтому, списавшись с другими родственниками, решили разъехаться по разным семьям. Мне, так рассудили, надо отправляться к тетушке по отцу – Валентине Евгеньевне, бывшей замужем за профессором-хирургом Струнниковым Александром Николаевичем». Александр Николаевич родился в 1879 г. и защитил докторскую диссертацию при Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. В своей книге «Шелковый путь» Владимир Струнников вспоминал: «Они меня усыновят, после чего мне, возможно, откро-

ется дорога в вуз. Их семья жила в Краснодаре, но ко времени моего приезда профессор решил перебраться в Микоян-Шахар, столицу Карачаево-Черкесии на постоянную работу. Там мы все и оказались. Так как у меня удостоверение об окончании семилетки [Владимир закончил семилетку в Богучарской городской школе – Е.Р.] было выписано на имя Чехова, то планировалось, что я снова пойду в среднюю школу, но уже как Струнников, в расчете на ближайшее переоформление документов. Я снова оказался в 7-м классе... Меня

волновало, каким должен быть сын профессора. Умным или средним? Решил, что умным. Может быть, тогда поверят, что я настоящий сын профессора. В школе все протекало без осложнений. Однажды я познакомился со студентом Горского сельскохозяйственного института, который находился в г. Орджоникидзе, и узнал, что там есть

отделение пчеловодства и шелководства. Как раз то, что нужно для осуществления моей детской мечты. Казалось, события развиваются вполне благоприятно. Но в начале мая 1931 г. скоропостижно скончался Александр Николаевич. Я снова оказался «у разбитого корыта»: мое усыновление он не успел оформить. Этим пришлось заняться тете. Сходив куда-то, она продиктовала мне заявление о желании быть усыновленным, потому что мои родители – учителя – умерли. В результате я получил документ, удостоверяющий, что я – Струнников Владимир Александрович. Теперь можно было поступать в вуз, и я стал студентом Горского сельскохозяйственного института»⁵. Первый раз он защитился в 1947 г., доработав небольшие разделы диплома, второй – через пять лет. Повторная защита понадобилась потому, что его с женой (она тоже была генетиком-селекционером), единственных в СССР, лишили уже защищенных кандидатских степеней, а заодно и ученых званий за отказ принять лысенковское «учение». Желю к тому же уволили, а его, в связи с крупными научными достижениями, оставили... на должности младшего научного сотрудника. Звание Героя Социалистическо-

го Труда Владимир Александрович Струнников получил в 1990 г. «за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции и подготовку высококвалифицированных кадров».

О других детях Евгения Чехова скажу: Константин до оккупации работал бухгалтером в конторе «Заготзерно» в Верхнем Мамоне, после оккупации бухгалтером в столовой для инвалидов в Богучаре, жил на улице Кирова (второй дом от здания бывшей милиции). В 1932 г. он был объявлен врагом на-

рода, после реабилитирован. Сестра его жены вышла замуж за человека, который заведовал районным отделом НКВД. В семье Константина было двое детей: Римма (1932 г.р., живет в Московской области – пос. Селятино) и Евгений (1936 г.р., жил в г. Ессентуки, умер).

Валентина Евгеньевна Чехова вышла замуж за профессора-хирурга Александра Николаевича Струнникова. Жила в г. Ессентуки.

Анна Евгеньевна Чехова стала врачом, преподавала в Воронеже.

Интересна судьба учительницы Марии Евгеньевны Чеховой. После ареста братьев, Константина и Ивана, она уехала в город Панфилово Казахской ССР, где в 1927 г. родился ее сын Олег. Олег сохранил фамилию Чеховых, работал на Московском автомеханическом заводе, в 1953 г. окончил аспирантуру, в 1970 г. защитил докторскую диссертацию. Последнее время работал профессором в Московском Государственном университете инженерной экологии. Олег Синанович был академиком трех академий. Умер в 2001 г.

В с. Филоново и г. Богучаре до сих пор хорошо сохранились дома, в которых жила семья Евгения Емельяновича Чехова. В 90-х гг. XX столетия в село приезжала Вера Евгеньевна Чехова, которая хотела вернуть родной дом, но не получилось.

Дом, в котором жила семья Е.Е. Чехова. с. Филоново Богучарского района. Фото Е.П. Романова 2013 г.

¹ Журнал Богучарского Земского Собрания 6 очередной сессии. Павловск, 1911, 1915 гг.

² Журнал Природа. – 2004. – №8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Краеведческий калейдоскоп

Д.Ф. Шеншин Черкасский тракт

*«Со временем (по расчисленью
Философических таблиц
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут».*

А.С. Пушкин

Проблемы управления такой большой страной, как Россия, всегда требовали от властей надежных и регулярных средств связи. В XVI-XVII вв. количество путей сообщения стало быстро увеличиваться.

В 1667 г. по инициативе боярина А.Л. Ордына-Нащокина для пересылки государственных бумаг была образована первая почтовая служба¹.

По европейскому образцу почтовые пути в России стали именовать *почтовыми трактами* (от немецкого *Trakt*, от латинского *tractus* – путь, от *traho* – тащу, волочу). Это была улучшенная грунтовая дорога, соединяющая важные населенные пункты; имела станции (постоялые двory) и верстовые столбы. По трактам перевозили не только почту, но и пассажиров с багажом. Почтовый тракт должен был поддерживаться в хорошем состоянии, обеспечивающем движение по нему в любое время года.

К концу XVIII и началу XIX вв. в России окончательно сложилась сеть почтовых трактов. Самыми значительными из них были Московский, связывающий Петербург и Москву; Московско-Сибирский из Москвы в Екатеринбург и далее в Сибирь, Архангельский, Ревельский, Вологодский, *Большой Черкасский тракт*, который соединял Москву с Кавказом. Почтовые тракты были открыты в Средней Азии, на Кавказе, в Польше и Финляндии.

Одним из наиболее важных путей сообщения в России был *Большой Черкасский тракт*, кратчайший между Петербургом, Москвой и Тифлисом. Он соединял Москву со Ставрополем и далее выходил на Военно-Грузинскую дорогу. Изначально тракт проходил через столицу Войска Донского Черкасск, отсюда и его название – Черкасский тракт. Когда в 1805 г. был основан Новочеркасск, тракт проходил через этот город.

Конкретной даты образования Черкасского тракта не установлено. Одни исследователи связывают это с указом Сената от 17 марта 1786 г., которым указывалось заселять места вдоль дороги от Царицына до Черкаска. Было образовано 14 новых селений и шесть почтовых станций. Другие называют дату 1804 г. В это время началось заселение дороги от Ставрополя до Войска Донского. Переселенцы из Орловской, Кур-

ской, Смоленской, Пензенской, Воронежской, Тульской, Калужской и Московской губерний создавали поселения при почтовых станциях и на протяжении почтовой дороги².

Есть также иное мнение, связанное с геополитическими мотивами. Еще с середины XVII в. орды иранских кочевников навалились на Грузию. Почти целое столетие грузинский народ отбивался от многократных набегов южных соседей. Наиболее прогрессивные деятели грузинского общества видели спасение в союзе с Россией. В 1769 г. в Грузию вступили русские войска, а в 1783 г. был подписан знаменитый Георгиевский трактат, установивший покровительство России над Грузией с ее полной автономией. С этого времени начинается более тесное политическое и культурное сближение России и Грузии. Черкасский тракт сформировался после этого события.

В почтовом дорожнике 1829 г. указан путь прохождения тракта:

От Москвы до Воронежа 498 верст.

От Воронежа до Черкаска 525 верст.

Почтовые станции от Воронежа:

Рогачевка – 27 верст, 30 лошадей,

Можайский поселок – 23 версты, 30 лошадей,

Средний Игорец – 26 верст, 30 лошадей,

Шестаково – 35 верст, 40 лошадей,

Лосево – 14 верст, 30 лошадей,

Павловск – 21 верста, 30 лошадей,

Казинка – 20 верст, 30 лошадей,

А.Л. Ордын-Нащокин

Почтовая тройка

Нижний Мамон – 23 версты, 30 лошадей,
Ковыленский – 13 верст, 9 лошадей,
Бычок – 14 верст, 30 лошадей.

Далее тракт пролегал по территории Войска Донского до Черкаска, а затем до Ставрополя. Всего от Москвы до Ставрополя 1359 верст³.

В «Материалах для военной географии России» имеются сведения о Черкасском тракте. По Воронежской губернии он имел протяженность 330 верст с 19 ночлегами. Пересекал реки Воронеж, Хворостань, Икорец, Битюг, Мамонку, Бычок, Толучеевку. На них устраивались постоянные мостные переправы и гати, по которым сообщения никогда не прекращались. Тракт имел в ширину 17 аршин, водосточные каналы на обочинах⁴. Почтовый тракт служил ориентиром местонахождения сельских поселений:

Павловский уезд.

По правую сторону от Черкасского тракта:

Буйловка, слобода, 430 дворов; Николаевка, слобода, 313 дв.; Желдаковка, хутор, 52 дв.; Казинка, слобода, 456 дв., *почтовая станция*; Варваровка, хутор, 113 дв.; Макаровка, хутор, 16 дв.; Ольховатка, деревня, 109 дв.; Гороховка, село, 432 дв.; Верхний Мамон, село, 656 дв.; Осетровка, село, 290 дворов.

По левую сторону от Черкасского тракта:

Гнилуша, село, 509 дв.; хутор Безымянный, 52 дв.; Журавка, село, 418 дв.; Нижний Мамон, село, 481 дв., *почтовая станция*; Кавыленка, хутор, 7 дв., *почтовая станция*; Бычок, слобода, 248 дворов, *почтовая станция*⁵.

Описывая Павловский уезд Воронежской губернии, Е. Болховитинов указывает: «Через сей уезд и самый уездный город пролегал большая почтовая дорога из Воронежа в крепость Св. Дмитрия Ростовского⁶ и Черкасск, и простирается по уезду на 100 верст. Побочные дороги без почтовых станций: 1) из Павловска в Хоперскую крепость в Камышин, Оксай и Астрахань; 2) называемая *большой Шлях* из Слободской Украинской губернии на Дон, Волгу и в Камышин...»⁷.

После земской реформы (1864 г.) на Черкасском тракте и его побочных дорогах в Павловском уезде образуются земские почтовые конторы. В 1877 г. их было 13 – в Павловске, Лосево, Шестаково, Воронцовке, Верхнем Мамоне, Верхней Гнилуше, Гороховке, Русской Журавке и других крупных селах уезда. Почтмейстером Павловского уезда служил надворный статский советник Николай Иванович Фефелов. Земская почта в Верхний Мамон приходила и отправлялась по вторникам и субботам, а выдача пакетов, узлов и посылок производилась ежедневно с 8 часов утра⁸.

Чтобы поддерживать проезжую часть тракта в исправном состоянии, он был поверстно разбит Павловской земской управой между об-

щинами сел Казинки, Варваровки, Верхнего и Нижнего Мамона, Верхней Гнилуши. Крестьяне привлекались к общественным работам по устройству гатей и мостов, ремонту водосток и верстовых столбов, заготовке сена для государевых почтовых лошадей.

Черкасский тракт выполнял две основные функции: доставка почты и путешественников к месту назначения. В Нижнем Мамоне до сих пор помнят «царскую дорогу», могут указать, где она проходила, где стоял постоялый двор, могут рассказать легенды-были о лихих тройках с бубенцами, о знатных седоках, ради потехи бросавших в толпы ребятишек денежную мелочь, о загадочном бородатом человеке в клетке, с колючими глазами и огненным взглядом – Шамиле. Они помнят о предприимчивых крестьянах Берлевых, владельцах постоялого двора с трактиром в Нижнем Мамоне. Работники музея крестьянского быта гордятся чайником, который якобы подарил Пушкин нижнемамонскому пастуху. Как знать...

В 1871 г. вступила в строй железная дорога Воронеж-Ростов. Воронежский губернатор ходатайствует перед властями о закрытии «тракта от Москвы на Дон и Кавказ за нендобностью и обращению его в проселок». Через два года тракт закрывается, станции ликвидируются, ямщики распускаются.

Однако на этом история Черкасского тракта не заканчивается. В 1876 г. в Павловскую земскую управу поступает бумага, которую подписали старосты крестьянских сходов четырех сел: Верхнего Мамона, Нижнего Мамона, Гнилуши и Буйловки. В прошении указывается, что за последние три года после закрытия тракта он был уничтожен, то есть распахан. Крестьяне ходатайствуют «о признании того тракта скотопрогонным, для прогона скота из селений Войска Донского в Воронежскую губернию». В качестве аргументов в документе приводятся следующие факты: «Ежегодно по тракту проходят от 10 до 25 гуртов крупного рогатого скота каждый от 100 до 300 голов, и мелких овец от 30 до 59 гуртов от 1000 до 2000 голов каждый. Итого до 60 тысяч голов»⁹. Просьба была удовлетворена.

Больше ста лет служил России Большой Черкасский почтовый тракт. Для нас это страница истории Воронежского края. В разное время по тракту путешествовали на юг и обратно А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов, Л.Н. Толстой и другие известные люди России. Знать бы нашим предкам, кого они видят, с кем встречаются, чья тень скользнула по нашей земле.

¹ Ордын-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (1605-1680). Государственный деятель, дипломат. Руководил Посольским приказом, основатель русской почтовой службы.

² См.: Прозрителев Г.Н. Ставропольская губерния в историческом и хозяйственном отношениях // Памятная книжка Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1919.

³ Почтовый дорожник Российской империи. – СПб.: 1829. – С. 20-21.

⁴ Материалы для военной географии и статистики России. Военное обозрение Воронежской губернии. СПб.: 1862. – С. 45.

⁵ Список населенных мест по сведениям 1859 г. Воронежская губерния. – СПб.: 1865. – С. 130-131.

⁶ Крепость Св. Дмитрия Ростовского образована в 1761 г., с 1797 г. – уездный город Ростов-на-Дону.

⁷ Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж. Тип. Губ. правл., 1800. – С. 90.

⁸ Памятная книжка Воронежской губернии за 1887 г. – Воронеж: 1888. – С. 291-292.

⁹ Журнал Павловского очередного земского уездного собрания. Сессия 1882 года. Острогжск: 1883. – С. 48-52.

В.Ю. Вдовенко

Последний полет перебежчика

...Из-за взгорка показался самолет с белогвардейской эмблемой на крыльях. Он то поднимался, то опускался. Летчик с пышными белыми усами старательно высматривал кого-то на земле...

Как в кино

Этими кадрами начинается сюжет второй части знаменитой кинотрилогии «Неуловимые мстители». Сюжет мизансцены таков: после недолгой погони белогвардейский летчик с внешностью английского лорда попадает в плен к «красным дьяволятам», которые передают легендарному командарму Буденному изъятые у пленника крайне важные документы командования противника.

Как бы неправдоподобно не выглядел этот эпизод, у киногероя с пышными усами есть вполне реальный прототип. Но нам интересно другое: описанный эпизод имеет самое непосредственное отношение к нашей малой родине.

Автор повести «Красные дьяволята», на которой базируется сценарий «Неуловимых», Павел Андреевич Бляхин не скрывал, что при создании некоторых образов в его самой известной книге использовал рассказы начдива 4-й кавалеристской дивизии буденновского корпуса Оки Городовикова, с которым они встречались в 1921 г. И усатый летчик как бы сошел на киноэкран со страниц книги «В рядах Первой конной», вышедшей в Москве в 1939-м г., в которой Ока Иванович отвел этому эпизоду целую главу, названную «Английский летчик и кузнец».

На самом деле летчик оказался русским. Но в жизни эта история была значительно интереснее и, одновременно, трагичнее.

В поисках генерала

Интересующие нас события связаны со знаменитым «мамантовским рейдом» казачьей конницы по советским тылам августа-октября 1919 г., сильно изменившим планы командования РККА. Кстати, начался он на таловской земле. 10 августа только что сформиро-

ванный на Дону 4-й Донской корпус генерала Мамантова (в советской литературе его фамилию обычно писали «Мамонтов») прорвал фронт на стыке 8-й и 9-й армий «красных», взяв Таловую, и устремился на север, к Тамбову. Город пал 18-го. Затем пришла очередь Козлова. Мамантовцы, которых было около семи тысяч, не вступая в открытый бой и обходя заслоны, молниеносными атаками захватывали один город за другим. Дорога на Москву была практически открыта. Но Мамантов повернул назад, к Воронежу, который в тот момент осаждали кубанцы 3-го казачьего корпуса генерал-лейтенанта Шкуро. 27-го августа был взят Раненбург (нынешний Чаплыгин), 28-го – Лебедянь, 31-го – Елец. Казаки громили советские учреждения, убивали, грабили, а затем быстро и бесследно исчезали. Причем настолько бесследно, что даже для командования Добровольческой армии Деникина их местонахождение было тайной.

Кэмел

Мамантов действовал автономно или, попросту говоря, вслепую, командуя же Донской армией генерал Сидорин хотел управлять процессом. А потому связь с находящимися в рейде стала для казачьего командования первоочередной задачей. Каждый день оно требовало от штаба 3-го корпуса (где уже скопилось много адресованных Мамантову директив, бумаг) отчетов о поиске «потерявшегося» генерала. Попытки предпринимались неоднократно, но за семь недель рейда это удалось сделать однажды, да и то в самом начале.

О.И. Городовиков

Единственным надежным средством связи в ту пору было авиасообщение. В Донской армии за связь с мамантовцами отвечали специалисты 3-го и 4-го авиаотрядов. Одним из них был летчик 4-го Донского отряда капитан Захарий Снимщиков.

Серия неудачных взлетов и посадок привела к тому, что к началу октября самолеты 3-го отряда были неисправны, а у 4-го Донского были лишь одноместные истребители «Сопвич Кэмел», не предназначенные для дальних перелетов. Максимальное расстояние, которое этот аппарат мог покрыть без дозаправки, составляло порядка 480 километров. Запас горючего был рассчитан на 2 часа 30 минут нахождения в воздухе. Таким образом, вооруженный двумя пулеметами «Виккерс», «Кэмел», или по-русски «верблюды», мог углубиться на территорию противника не более чем на 200 километров. Ведь необходимо было время для выбора аэродрома, поиска цели полета. Протяженность маршрута, по которому предстояло лететь Захарю Васильевичу, превышала 500 верст. К тому же, одному летчику при благоприятной вынужденной посадке в тылу врага было гораздо сложнее починить самолет и потом опять запускать мотор.

И, тем не менее, лететь пришлось именно Снимщикову на «Кэмеле». К вечеру 2 октября из восьми машин на аэродроме взлететь мог лишь его «верблюд».

В Российском государственном военном архиве сохранились телеграммы и записи разговоров «по прямому проводу» Донского командования, благодаря которым стали известны подробности полета, который начался 3 октября.

З.В. Снимщиков

Понимал ли пилот, что в его случае это — чистое самоубийство? Отлично понимал и даже попытался доложить об этом офицеру штаба полковнику Токареву. В тексте донесения говорится: «его аппарат одноместный и для полётов, соединенных со спуском на местности, не пригоден. В частности, капитан Снимщиков бе-

рется лететь для связи, считая 90% за успех и за то, что ему придется в районе противника жечь свой аппарат, и просит Начавиадона снабдить его советскими документами и деньгами». Через некоторое время полковник Токарев сообщил следующее: «Генварм приказал сообщить, что аппарат капитана Снимщикова лучше использовать без спуска с целью произвести разведку в районе Бутурлиновка-Воробьевка, где по последним сведениям будто бы находится корпус генерала Мамантова». После такого ответа осталось лишь отправляться в путь.

Капитан, сделав две посадки в тылу Красной армии и узнав, что казаки Мамантова находятся в районе Воронежа, добрался до губернского города, где стоял Кубанский корпус Шкуро. Мамантова там не оказалось. Забрав донесения для последнего, перелетел в Пухово, на базу 4-го Донского самолетного отряда. На следующий день, утром 4 октября, Снимщиков отправился в свой последний полет. Его истребитель «Кэмел», поднявшись с аэродрома у станции Пухово, взял курс на Бутурлиновку...

«Мы стоим, а он летит...»

Мамантова искали не только летчики Донской армии. Дорого бы дал за информацию о генерале и командир кавалерийского корпуса Буденный. Соединение Семена Михайловича было срочно снято с Царицынского фронта и направлено на поиски и уничтожение мамантовских частей. Но если их не могли отыскать свои, как буденновцам напасть на след? И тут судьба послала им Снимщикова...

Со временем эта история в воспоминаниях как крупных советских военачальников, так и ее рядовых участников обросла легендами и в разных трактовках стала отличаться деталями. Так, сегодня трудно определить точное место, где она произошла. Самую точную привязку к местности мы обнаружили в показаниях красноармейца Черкасова, хранящихся в фондах РГВА. В них говорится, что случай произошел «в трех верстах не доходя станции Таловая со стороны Терехово». Вторит ему и уже знакомый нам Ока Городовиков, указывая, правда, на «район станицы Таловая». Хотя в самом первом упоминании о пленении капитана Снимщикова, датированном 10 часами 5 октября 1919 г., в оперативной сводке 4-й кавалерийской дивизии Городовикова говорится: «4-го октября (21 сентября по старому стилю) в 12 часов 20 минут в районе ст. Терехово частями 4-й и 6-й кавдивизий захвачен неприятельский аэроплан с летчиком группы генерала Шкуро при двух ручных пулеметах».

Подробности обнаруживаются в донесении начальнику штаба 1-го кавкорпуса: «...лично

начдивом 6-й дивизии Апанасенко, политкомом, комбригом 1-й кавалерийской и небольшим количеством бойцов взят был аэроплан с летчиком и двумя пулеметами. Этот аэроплан летел в направлении с севера на юг в то время, когда части дивизии были расположены на отдыхе. Заметив аэроплан, некоторые бойцы начали стрелять, но тотчас же было приказано прекратить стрельбу. Заметив расположившуюся на отдых кавалерию, летчик подумал, что это части Мамантова и спустился в верстах двух от расположения дивизии. Начдив, политком с несколькими бойцами бросились к нему. В это

1-й кавалерийский корпус С.М. Буденного.
Октябрь 1919 г.

время мимо аэроплана проезжал боец 32-го полка, которого летчик спросил: «Это казак Мамантова?» Боец ответил: «Мамантова». Летчик сейчас же поднялся и направился к месту расположения дивизии. Начдив с политкомом и комбригом 1-й кавалерийской бежали к нему навстречу, махая шапками. Прилетевший быстро опустился на землю. У подъехавшего Апанасенко пилот спросил: «Это Мамантов?». Начдив ответил: «Да, Мамантов». Летчик даже прекрестился, говоря: «Слава Богу, наконец-то отыскал!» Летчика немедленно обезоружили».

Спустя час пленный был отправлен в штаб Буденного. Он якобы бросился на конвоира, пытаясь выхватить винтовку (в другом источнике – пашку), и тут же был застрелен. Но из 9-й главы литературно обработанных буденновских воспоминаний явствует, что он лично допрашивал пленника, узнав при этом, что летчик с мандатом английской дипмиссии имел задачу найти Мамантова в треугольнике Таловая-Бобров-Бутурлиновка и передать ему очень ценные сведения.

О том, что это были за документы, докладывал командир 4-го Донского самолетного отряда есаул Зверев в штаб 3-го Донского корпуса через день после того, как летчик пропал. «Капитану Снимщикову были переданы командиром 3-го авиаотряда две директивы: о том, что корпус генерала Шкуро подчиня-

ется генералу Мамантову, и о том, чтобы генерал Мамантов оказал содействие взятию Лискинского узла и затем пошел на Калач для противодействия коннице Буденного. Вместе с этими директивами было передано до 200 телеграмм, содержание неизвестно».

Приказ Сидорина и письмо Шкуро были немедленно отправлены командующему 9-й Красной армии Стенину с просьбой ознакомиться с ними и срочно отправить их в штаб Южного фронта.

В 1923 г. бывший начальник 6-й кавалерийской дивизии Иосиф Родионович Апанасенко вспоминал: «У летчика (поручика) оказались задания Мамантову и информация армии Деникина, что дало возможность не только 1-му корпусу, но и всей Южной армии составить другой план действий против Деникина, а 1-й конный корпус ударил корпусу Мамантова-Шкуро в разрез на р. Усмань, где они и были разбиты по частям числа 18 октября».

Но в тот день заминка в продвижении корпуса, связанная со Снимщиковым, оказалась на руку Мамантову. Когда поздним вечером 4 октября Буденный вошел в Таловую, а части корпуса, уставшие от продолжительного марша, расположились на ночлег в соседних со станцией поселках, выяснилось, что Мамантов еще утром был в поселке. Но, обнаружив авангард красной конницы, забыв в спешке свою исправную легковую автомашину, спустился с корпусом вдоль железной дороги в направлении Воронежа.

«Кэмел» спустя почти месяц обнаружили красноармейцы 9-й армии в поселке Львов, куда его на конной тяге в тот же вечер кавалеристы доставили и сдали под расписку самому технически грамотному человеку в поселке – местному кузнецу.

А вот о дальнейшей судьбе летчика ничего неизвестно. Впрочем, вряд ли ему удалось пережить ту ночь в Таловой. Особенно, если Буденному стало известно, что настоящая фамилия «английского» пилота Снимщиков.

Перелетные «верблюды»

Дело в том, что в приказе № 5 по Красному Воздушному Флоту Республики от 8 октября 1918 г. начальник авиации А.В. Сергеев писал: «...случаи измены и предательства в Красном Воздушном Флоте не прекращаются. В дополнение к принятым мерам борьбы с этим позорным явлением завести при моем Управлении черный список, куда вносить всех изменников и предателей делу Революции, оказавшихся в Красном Воздушном Флоте. Упомянутых предателей объявляю вне закона и приказываю их именами начать черный список».

Под номером семь в этом списке значился военный летчик Захарий Васильевич Сним-

щиков. Он стал главным героем самой скандальной за весь период Гражданской войны истории, связанной с предательством в Красном Воздушном Флоте, – перелета на сторону противника в полном составе 9-го армейского авиационного отряда.

В годы Первой мировой войны отряд входил в состав 7-го авиационного дивизиона и воевал на Юго-Западном фронте в Подольской губернии. В январе 1918 г., дабы избежать германского плена, 9-й армейский походом порядком выступил в тыл, а уже 22 марта командир отряда Захарий Снимщиков совершил первую боевую разведку в интересах Красной армии. А еще через месяц отряд прибыл в Воронеж, в распоряжение штаба авиации Южного участка отрядов завесы.

В октябре 1918 г. он базировался у станции Пады Балашовского уезда Саратовской губернии и совершал боевые полеты в районе Новохоперска, Таловой, Алексиково, Урюпинской. Это был далеко не самый худший отряд на Южном фронте. Его летчики совершили с апреля по октябрь более 80 боевых полетов. Более того, по свидетельству начальника авиации Южного фронта Ивана Иосифовича Петрожицкого, который через много лет вспоминал о перелете 9-го отряда, весь личный состав «девятки» вступил в РКП(б).

Тем не менее командир отряда Снимщиков получил выговор от помощника начальника авиации Южного фронта Мельникова. Еще раньше, 30 сентября, Мельников посылал в Пады комиссию из трех человек «для опроса и разбора дела о командире отряда военном летчике Снимщикове, подавшем рапорт о пропаже казенных денег на «Воронеж-Курском» вокзале».

Сейчас трудно сказать, что стало причиной предательства: конфликт с начальством или ощущение близкого конца Советской власти. Ведь в ту пору многим и в самой России, и за ее пределами казалось, что Советам осталось времени до нового 1919-го или, в крайнем случае, до весны.

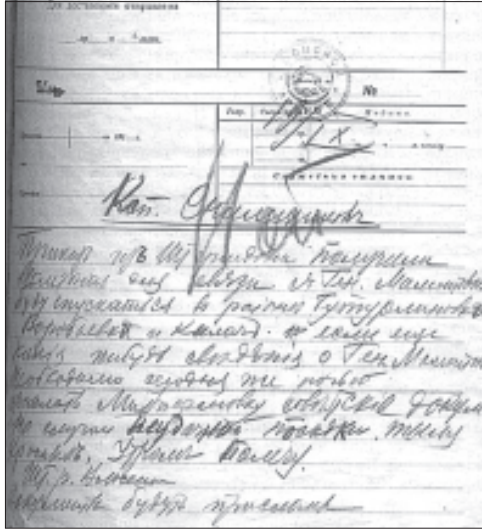
Как бы то ни было, но 27 октября Снимщиков, вместе с другими летчиками «девятки», начал игру, целью которой стал перелет к атаману самопровозглашенного Всевеликого войска Донского П.Н. Краснову под предлогом перебазирования в Борисоглебск. Там якобы аэродром и условия для личного состава значительно лучше. В этот день он направил телеграмму в Козлов начальнику авиации Южного фронта Петрожицкому: *«Прошу сообщить, когда можно переходить отряду в Борисоглебск и в чье распоряжение»*. Ответа не последовало, но утром следующего дня была отправлена другая телеграмма: *«Пять самолетов готовы перелететь, жду распоряжений»*. Наконец, 29 октября 9-й армейский

авиаотряд в полном составе поднялся с аэродрома у станции Пады и полетел на юг, в сторону Борисоглебска.

Авиада́рм (командующий авиацией) Красного Воздушного Флота А.В. Сергеев издал такой приказ: *«29 октября сего года 9-й армейский авиационный отряд в составе 6 самолетов с командиром военным летчиком Снимщиковым перелетел на сторону противника. Предписываю комиссару при Полевом управлении авиации и воздухоплавания Южного фронта тов. Гудкову расследовать все обстоятельства и условия перелета, выявить заложников и местожительство родственников перелетевших предателей и поставить вопрос о немедленном их аресте и расстреле»*.

О том, что предательство планировалось тщательно, подтверждает в своих воспоминаниях и бывший командир летного дивизиона, под началом которого Снимщиков служил в годы Первой мировой, а впоследствии генерал-майор белой гвардии Баранов. Будучи, по воспоминаниям современников, склонным к литературным гиперболам и необоснованному пафосу, он изложил легендарные подробности перелета, неожиданно упомянув имя самого товарища Троцкого. И все же его свидетельство не менее интересно. «Первым в полном составе перелетел 9-й армейский отряд. Командиром в нем состоял выдающийся летчик поручик Снимщиков. 9-й армейский отряд долго готовился к задуманному перелету. Семьи были устроены вне досягаемости для мести большевиков. Незадолго до перелета были получены новые аппараты. В день отлета летчики надели по несколько пар платья, причем не были забыты даже блестящие погоны самого контрреволюционного образца, скрытые под кожаной одеждой летчиков. В аппараты были погружены все вещи, отрезки материи, белье, сапоги. Запаслись изысканной провизией, которую имели в качестве избранного у большевиков рода оружия.

Специалистов-летчиков у них было мало, и ими дорожили. Но... как волка не корми, он все в лес смотрит. Так и 9-й армейский отряд предпочел жить и работать в родном по духу стане «белых». Ожидали только случая, когда получат приказание перелететь куда-либо целым отрядом. Желанный день наступил... «Сам» Троцкий присутствовал на аэродроме и рассматривал по карте маршрут перелета. Один за другим, плавно описывая круги, над аэродромом поднимались летчики. Шумят моторы, гремит оркестр. Троцкий со свитой наблюдает эту картину. На большой высоте отряд строится в боевом порядке, берет направление, которое не оставляет сомнений в действительности их намерений...»

Последнее донесение З.В. Снимщикова по прямому проводу

...Пять самолетов отряда приземлились в районе станицы Филоновской Хоперского округа области Донского войска. Шестой аппарат самого Снимщикова сел в стороне от отряда. Упоминание о том, как его встретили на донской земле, нашлись в переписке быв-

шего комиссара при Полевом управлении авиации и воздухоплавания Южного фронта Георгия Васильевича Гудкова.

Гудков некоторое время находился в резерве авиаспециалистов при управлении ВВС РККА и там встретил моториста Коротичева, служившего в Гражданскую войну в авиации белых. Он-то и рассказал о Снимщикове следующее.

Все летчики перелетевшего отряда приземлились благополучно, но Снимщиков из-за неисправности мотора от них отстал, и у него на территории белых была вынужденная посадка. К нему подскочили казаки. Поскольку на его самолете была пятиконечная красная звезда, Снимщикова жестоко избили, выбили зубы, отобрали все, что у него было, и, наконец, привели к сотнику. Тот, выслушав «летуна», сказал, что от расстрела пока воздержится. А когда ответ на запрос в штаб корпуса прибыл, он вызвал пленного, извинился за грубое обращение и сказал, что накажет казаков, избивших его. Генерал Краснов, узнав о перелете отряда, пожелал видеть летчика, произвел его в капитаны, наградил крупной суммой денег, и Снимщикову за казенный счет вставили зубные протезы.

Ходить с новыми зубами капитану оставалось ровно одиннадцать месяцев...

Глубинка

К 90-летию М.М. Микляевой

Мария Максимовна Микляева родилась 29 октября 1923 г. в с. Бобяково (теперь Аннинский район Воронежской области) в семье трудолюбивых крестьян. Ее отец, Кобзев Максим Федорович, владел вместе со своими отцом и братьями небольшой мельницей. Семья жила небогато, однако и не голодала. Но наступило время «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулака как класса». Дедушка Марии Максимовны был выслан в Казахстан, а семья в одночасье стала нищей.

С началом Великой Отечественной войны отец ушел на фронт. В 1942 г. он погиб в битве за Ленинград. Вскоре после этого умерла и мать Марии Максимовны. Она осталась круглой сиротой с младшей сестрой Ниной на руках. Девятнадцатилетняя Маша, окончившая педагогические курсы, стала работать учителем русского языка в соседнем с. Садовое. А когда сестра окончила местную семилетку, попросила в районном отделе образования дать ей другое назначение. Туда, где была средняя школа.

Так, в 1945 г. она приехала в с. Новый Курлак. Тогда Мария Максимовна была совсем юной девушкой с белокурыми косами.

По-разному отнеслись к ней тогда, в 1945 г., ее коллеги в новой школе. Кто с жалостью смотрел на двух девочек, пожитки которых умещались в маленьком отцовском армейском сундучке. Кто был уверен: несдобровать этим беззащитным птенцам в суровых житейских условиях, собьются они в пути. «Учили» жить каждый по-своему: кто искренне, с добром и по-матерински, а кто и насмешками. Такие уроки прочно усваивались.

Сестры выжили, хоть и голодали, не сбились с пути. Мария Максимовна заочно училась в пединституте, сестра Нина в школе. Учеба давалась Маше легко – помогала педагогическая практика.

Потом последовало замужество. Судьба улыбнулась Марии: Иван Семенович Микляев – добрый, честный человек.

Сестра окончила школу и пединститут, уехала по распределению на далекий Алтай. У Марии Максимовны родились два сына – Геннадий и Александр.

Она всю себя отдавала работе в школе. Ее сразу полюбили ученики. Замечательный литератор, она организовала драматический и краеведческий кружки.

Ученики, окончившие школу, не забывали о ней, писали из разных уголков огромной страны письма и всегда тепло отзываются о Марии Максимовне.

Мария Максимовна проработала в Новом Курлаке более тридцати лет. Выпустила много поколений школьников, вырастила сыновей, помогла им в воспитании внуков. И писала. У нее настоящий литературный дар. В течение трех лет являлась депутатом областного совета. Жизнь, начавшаяся трагично, обрела счастливые цвета.

После ухода на пенсию Мария Максимовна продолжала трудиться: работала художественным руководителем в сельском клубе, подменяла коллег, у которых были маленькие дети, вела краеведческий кружок в школе.

Ее уважали и любили в педагогическом коллективе, и она отвечала коллегам взаимностью.

Мария Максимовна – неутомимый человек. Она и сейчас в строю. Часто ее имя можно встретить на страницах районной газеты «Аннинские вести».

А в прошедшем году ей удалось издать книгу «История сел Новокурлакской волости» – труд всей ее жизни. Материалы, которые она копила со своими юными помощниками в течение многих десятилетий, обрели наконец-то достойное обрамление. Это настоящая энциклопедия жизни курлакских сел. Далекое прошлое Прибитюжья, судьба дворянского гнезда Станкевичей, события XX в. словно оживают под пером Марии Максимовны.

Предлагаемый вниманию читателя рассказ – один из многих образцов ее творчества.

Н.А. Макаров

Три колхозника

Рассказ

Правду говорят, что сколько людей, столько и характеров. Хочется рассказать о трех курлакских колхозниках.

Гоголев Василий Карпович – труженик, тихий человек, не лентяй, а хором не нажил. Не клеилось хозяйство. Семья еле-еле сводила концы с концами от урожая до урожая. Всю жизнь занимался тем, что копал по найму у односельчан колодцы и канавы. Все, что в Курлаке обнесено канавами, – дело его рук. Трудолюбивее и добросовестнее землекопа в селе не было. И до сего времени еще сохранились они, канавы Карпыча: при сельском кладбище, колхозном саде, который давно выкорчеван и распахан. Время делает свое разрушительное дело: осыпаются и заплывают землей канавки, зарастают травой...

Прогремела революция, пришли 30-е годы, не менее страшные, чем революция. Жизнь в селе перевернулась с ног на голову: «кто был ничем, тот стал всем». Местные коммунисты, радостно потирая руки, спешно создавали комиссии по раскулачиванию и «строили» новую жизнь.

В такую комиссию зачислили и Василия Карповича Гоголева, зачислили потому, что он был бедняк. Активист из него никакой, а вот увеличить численность бригады надо. И Карпыч не отказывался: надо – так надо. Когда ретивые члены бригады властно расхаживали по дому кулака, заглядывая в сундуки, хлебные лари, сараи, Карпыч молча стоял у стены, опустил глаза, не понимая, зачем отбирают у человека то, что тот нажил трудом. Бригада описывала имущество у «дармоеда» и, в конечном счете, вышвыривала его семью на улицу под плач женщин и детей. Карпыч и тогда молчал: начальству виднее.

Создали колхоз, Карпыч продолжал так же трудиться, как и прежде.

По соседству с Карпычем на той же улице Красный Лог жил другой крестьянин – Михаил Семенович Козин. Насмешник и балагур, любитель поддержать все новое. И в организаторских способностях ему не откажешь. Стал активистом с первых дней образования колхоза. До самых последних дней своей жизни оставался неизменным членом правления коллективного хозяйства. И раскулачивание односельчан без него не обошлось. Его голос «за» и «против» везде имел вес.

Когда выселили кулаков из Курлака, отослав их в чужие северные края, появилось много свободных домов, добротных, просторных, крытых не соломой, а железом или черепицей. Как-то под вечер Михаил Семенович встретился на улице с Карпычем и сказал ему: «Карпыч, не пора ли тебе оставить свою избу-развалюху и поселиться в хорошем доме? А то гляди, придавит тебя со старухой твоя хатенка». Карпыч задумался: и в самом деле, покосившаяся изба грозит рухнуть. Михаил Семенович советовал подумать. «Я могу тебе по-

мочь. Поставлю вопрос о тебе на заседании правления, думаю, тебе не откажут». Карпыч колебался, Козин настаивал: «Да поживи ты хоть в старости в хорошем доме». Согласился старик. Михаил Семенович выполнил свое обещание, и бедняк Гоголев переселился из своей развалюхи в пустующий кулацкий дом в том же Красном Логу. Дом крепкий, ухоженный, со всеми такими же надворными постройками. Только теперь все сараи и закутки были пусты: давно увели отсюда лошадей, корову, овец. Осиротели дом и двор.

Ходит новый хозяин по двору, любителю, удивляется: до чего же все ладно, надежно, прочно сделано. Ходит и спиной чувствует чьи-то укоряющие глаза. Оглянется – никого, все тихо. А на сердце все равно невесело. Войдет в дом – простор, лавки широкие, дубовые, стол большой, чисто выскобленный. Когда-то за ним сидела большая семья, весело стучали ложки о край большой миски, откуда все черпали щи, кашу с молоком...

Сидит его старуха на судней лавке, удивленно рассматривает большую блестящую заслонку, большую загнетку и высокие печные своды. Оттуда, из этой печи, когда-то настоящая хозяйка вынимала большие подовые ковриги, «умывала» их водой и закрывала чистой утиркой. Теперь новая хозяйка не печет такие ковриги и никогда не пекла... В ее глазах тоска. Непокойно ей на просторной печи, холодны ее кирпичики, жестки. То ли дело в их покосившейся избенке: там и кирпичи совсем другие. Мягче что ли? И печь уютнее: полежи, подремли на ней – любая усталость уйдет.

Ходят новые хозяева по просторному дому, осваиваются с новой жизнью, скрывают друг от друга невеселые мысли. «Ничего, все уладится», – думает Карпыч. И Михаил Семенович доволен, что Карпыч теперь живет в настоящем доме, а не в развалюшке. Однако стал замечать, что старик ходит, словно в воду опущенный, соседей сторонится и не вступает ни с кем в разговоры. На него косились родственники бывшего хозяина, а может быть, так Карпычу казалось? Нет, не казалось, так оно и было...

Карпыч редко выходил со двора, с чужого двора, где все было сделано не его руками, а того, кого ни за что выгнали из дома. Да если бы только из дома, а то выслали из родного села. За что? Чем он провинился? Разве только тем, что много и старательно работал, строил, созидал, содержал хозяйство.

Не знал Михаил Семенович, что Карпыч не спит ночью: все ему чудится, будто кто-то ходит по дому, по двору да тяжело вздыхает и стонет. А кому так страдать, если не изгнанному хозяину? Карпыч тихо спрашивает: «Мать, ты спишь? Слышишь, будто кто ходит по двору?» «Слышу, – отвечала с печи жена, – ходит и гремит». Оба вставали, садились в темноте на лавку, дрожа от оторопи, охватившей душу. Конечно, по двору никто не ходил, ветер гулял по опустевшим сараям. Он, ветер за стеной, сковывал души новых жильцов.

Не вынес Карпыч такой «хорошей» жизни, пошел к Михаилу Семеновичу и сказал ему: «Поговорить хочу с тобой, Миша». Козин весело приветствовал соседа, готов его выслушать. «Вишь, какое дело, Миш, надумали мы со старухой уйти в свою избу...» Козин удивленно посмотрел на Карпыча: ну не безумие ли это – поменять дом на избенку? Надо быть совсем дураком, чтобы решиться на такую глупость.

Карпыч молча слушал доброжелательного соседа, горячо убеждавшего старика никуда не уходить. Избенка Карпыча не нынче, так завтра рухнет. Старик молчал, опустив голову. Наконец Козин спросил: «Почему вы так решили? Вам кто-нибудь из кулацкой родни угрожал?» «Нет, Миша, никто не угрожал нам. Да не могу я жить в доме, какого не строил. Стены меня съедают. Стены, вздохни слышим по ночам. Ходит хозяин по своему двору...» Козин засмеялся: «Вон оно что... Ходит мироед по двору... он теперь ходит очень далеко от Курлака, по лесу дремучему ходит он... Не просто ходит. А деревья валит. А знаешь, какие там деревья... Хочешь увидеть верхушку, шапку попридержи, а то свалится с головы. А ты «ходит». Отходили курлакские кулаки по селу». «Может, твоя правда... только не можем мы там жить... работать не могу, все из рук валится», – отвечал Карпыч и виновато смотрел на соседа. А тот не унимался: «Глупости все это, Карпыч, послушай меня: ну куда ты пойдешь? Рухнет твоя избенка да придавит вас...» «Сам знаю, что скоро совсем рухнет, – соглашался старик, – да поверь: век такого горя у меня не было...» «Жалко мне тебя, Карпыч, рад бы тебе помочь, но как?» Задумались оба. Козин чувствовал, что Карпыч что-то держит в уме, да не решается высказаться. «Что будем делать?» – ласково, сочувственно проговорил Козин. Карпыч оживился, словно получил позволение сказать то, о чем раньше не мог сказать: «Миш, а если нам с тобой поменяться избами. Я перейду в твою, а ты в тот дом». Козин расхохотался: «Ну и хитер Карпыч... значит, все грехи на меня упадут... а ты в святых будешь ходить... А что? Можно и поменяться. Думаю, Бог на меня не обидится – ведь я за бедняков заступился. Бедняки-то на мироедов спины гнули, да и тебе приходилось... не так что ли?» Козин сказал, что согласен, старик засуетился, встал, поклонился Козину: «Спасибо, Миша, пожалел старика... дай Бог тебе здорovia... пойду бабку обрадую, а то ведь она думает, что перейдем в свою. А дело-то вон как обернулось...» «На то ты и мужик в доме, чтобы делать как лучше».

Карпыч быстро ушел, а Козин смотрел ему вслед и не понимал радости Карпыча. Мена состоялась, а жизнь продолжалась. Изба Михаила Семеновича была хоть и небольшая, но

крепкая. В ней Карпыч и поселился. Кончились его душевные муки, он продолжал свою работу: колодцы, канавы... А Козин с женой (у них не было детей) теперь жил в просторном доме и не жаловался на то, чтобы кто-нибудь чужой ходил по его двору. Он с головой ушел в работу: везде требовались хозяйские глаза в колхозе, всюду надо успеть. Он – правая рука председателя колхоза (а их было много в бытность колхоза «Путь к коммунизму»), определенной должности он не имел, а ревизионную комиссию возглавлял всегда. А во время войны Козин был председателем Кушлевского колхоза.

Думаю, стоит рассказать и о третьем колхознике Курлака. Это Гоголев Александр Прохорович, небогатый, не очень любивший работать на своей земле, а нравилось ему быть на побегушках, прислуживать тем, кого захлестывали дела, то есть у состоятельного хозяина. Одним из таких был Бебнев Ефим Иванович. В Курлаке его звали Хомком (и какого только прозвища не «прилепят» люди друг другу!). Вот этот Хомок, как и все односельчане, занимался своим хозяйством, работал на земле. Благо, в период НЭПа ее всем хватало. Энергии у него в избытке, на что-то ее надо употребить. Имел пристрастие к лошадям, любил их менять. Понял, что барышничать – дело прибыльное, и всерьез занялся им. Вошел во вкус, даже в азарт. Тогда Хомку понадобился помощник, им оказался Гоголев Александр Прохорович.

Не знал Бебнев, что скоро его «прибыльное дело» пойдет прахом, обернется страшной бедой для его семьи. Он не знал и того, что близился год коренных изменений в жизни всего русского крестьянства. Колхозы. Тогда не один Бебнев, а многие курлаковцы поплатились за свое трудолюбие, желание жить безбедно.

В числе других раскулачили и Бебнева Ефима Ивановича, выслали из Курлака с семьей в северные края. Гоголев как бедняк входил в бригаду по раскулачиванию односельчан. Как же его не включить в бригаду: ведь беднягу эксплуатировал барышник, спекулянт, наживавшийся на обмане честных людей.

Привык Александр Прохорович бывать в доме Бебнева, знал его крепкое подворье не хуже своего, потому и счел нужным, законным поскорее вселиться в его добротный, просторный пятистенок. Побоялся, что кто-нибудь опередит его, не стал писать заявление в правление колхоза с просьбой разрешить ему перебраться из своей ветхой избы в кулацкий дом. Значит, был уверен, что имеет на это право, так как гнул на барышника спину. И смело зажил в новом доме. Никто из начальства не возразил, а что соседи при встрече на улице отводили глаза или отворачивались, так это от зависти и злобы. Ведь жизнь теперь пошла по новому лозунгу «Кто был ничем, тот стал всем». Так и прожил жизнь с сознанием своей правоты.

Сын Александра Прохоровича, Михаил Александрович, работал в колхозе, как до войны, так и после. Он участник войны, воевал на разных фронтах с фашистскими захватчиками. Возвратился домой, жили с женой в том же доме, который перешел им от отца по наследству. Никто теперь уже не упрекнул Михаила в том, что дом-то отцом нажит не трудом... Вроде бы и забыли про это. Но ничто не забывается, все живет в памяти людей. Детей у Михаила с Прасковьей не было, оба добросовестно работали в колхозе, держали полное хозяйство, копили деньги про черный день... И он пришел в семью в 80-е годы. Прасковья умерла в старинном помещичьем парке во время сбора сушняка. Сердце сдало, и «бедная» Паша умерла, положив голову на вязанку сушняка. Тяжело пережил ее смерть Михаил, остался один. В колхозе уже не работал, нуждался в помощи. Близких родных рядом не было. Племянник (от сестры) живет на Украине, он единственный наследник, которому Михаил Александрович намеревался оставить все свое имущество. Но племянник отказался от наследства, посоветовал дяде оставить все тому, кто его «докормит-допоит».

Правда, племянник не оставил дядюшку без внимания: он ежегодно приезжал к нему, гостил недели по две. Опеку над Михаилом Александровичем взяла на себя чета Камсариных, Анатолий Анатольевич и его жена Анна (переселенка из Казахстана, работающая дояркой). Ухаживали за больным добросовестно. Похоронили, как положено (умер Михаил Александрович в 90-е годы). Приезжал на похороны и племянник. Он и отдал дом Камсариным, а мебель и все другое раздал соседям на помин души дяди...

Мне из окна виден дом, в котором теперь живут Камсарины. Он такой же добротный, каким был при его первоначальном хозяине. Иногда смотрю и думаю: все вещи, в том числе и дома, имеют свою биографию, свою историю. Историю вещей и домов творит человек, мыслящее существо. А кто же творит людскую историю? Сами люди. Но ведь в сонмище людском каждый человек индивидуален: у каждого свои понятия о чести, совести, о взаимоотношениях с другими людьми. Отсюда и соответствующие поступки.

Карпыч не смог жить в доме, которого не строил. Михаилу Семеновичу безразлично, в чьем доме жить; если власть считает, что можно взять чужое как свое, то почему же не верить власти? Александр Прохорович был убежден, что он имел полное право завладеть чужим имуществом.

Таким разноликим создало Провидение человека.

Наш журнал в лицах

Редколлегия

Сергей Николаевич Подлесных.
Главный редактор, отдел исторических исследований. Историк-краевед, кандидат юридических наук. г. Воронеж.

Николай Александрович Макаров.
Ответственный редактор, отдел устной истории и публицистики. Краевед, филолог. Воронежская область.

Антон Сергеевич Ракин.
Отдел архивных исследований. Историк, генеалог. г. Мытищи Московской области.

Елена Георгиевна Губанова.
Отдел устной истории и публицистики. Историк-краевед. г. Новочеркасск Ростовской области.

Александр Георгиевич Паповян.
Отдел архивных исследований. Историк. г. Москва.

Авторы

Владислав Юрьевич Вдовенко.
Родился и живет в пгт. Таловая Воронежской области. Специалист по охране окружающей среды администрации Таловского муниципального района. Лауреат премии губернатора Воронежской области по журналистике за 2010 г. Публиковался в областной и районной периодике. Автор книги «261-й километр: история одной катастрофы» (2012).

Николай Александрович Макаров.
Родился и живет в с. Новый Курлак Аннинского района Воронежской области. Учитель иностранных языков МКОУ Новокурлакская СОШ. Краевед. Публиковался в районной периодике, редактировал сборник «Мы все с одной деревни» (школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков).

Мария Максимовна Микляева.
Родилась в с. Бобяково Аннинского района Воронежской области. Более тридцати лет проработала учителем русского языка и литературы в школе с. Новый Курлак того же района. Организатор драматического и краеведческого кружков. Краевед. Автор книги «История сел Новокурлакской волости». Публиковалась в районной периодике. Живет в пгт. Анна.

Сергей Николаевич Подлесных.
Родился в с. Моховое Аннинского района Воронежской области. Кандидат юридических наук. Историк-краевед. Автор научных и публицистических статей по теории и истории права, истории Воронежского края, монографии «Пробелы в уголовно-процессуальном праве» (М., 2013). Публиковался в районной периодике, журнале «Подъем», научных и публицистических сборниках. Живет в г. Воронеж.

Антон Сергеевич Ракин.
Родился и живет в г. Мытищи Московской области. Специалист 1-й категории Российского государственного архива древних актов. Генеалог. Аспирант Юго-Западного госуниверситета (г. Курск). Публиковался в изданиях: «Военно-исторический журнал», «Военно-исторический архив», «Национальная оборона», «Дилетант», региональных краевед-

ческих сборниках.

Евгений Павлович Романов.
Родился в с. Радченское Богучарского района Воронежской области. Директор МКОУ «Терешковская ООШ» того же района. Член американской ассоциации учителей, КЭТС, штат Канзас. Публиковался в областной и районной периодике, журнале «Подъем». Автор более трехсот статей по истории Богучарского края, педагогике и управлению качеством образования, монографии «Богучарцы». Живет в г. Богучар.

Дмитрий Федорович Шеншин.
Родился в с. Круглое Красненского района Белгородской области. Учитель истории Верхнемамонского лицея Воронежской области. Писатель-краевед. Член Общероссийского Союза военных писателей «Винское содружество». Автор тринадцати книг по краеведению, один из авторов «Воронежской энциклопедии» (2008). Публиковался в областной и районной периодике, публицистических сборниках. Живет в с. Верхний Мамон.

ной и районной периодике, публицистических сборниках. Живет в с. Верхний Мамон.